УДК 821.111-93
ББК 83.3(4Вел)51

LUMIÈRES АНГЛИЙСКОЙ КРИТИКИ

© 2018 г. Н.И. Рейнгольд

*Российский государственный гуманитарный
университет,*

Москва, Россия

Дата поступления статьи: 05 марта 2018 г.

Дата публикации: 25 сентября 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-304-354

Аннотация: Настоящая публикация включает вступительную статью и перевод источника — «Жизнеописания Свифта» из книги «Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов» (1781) Сэмюэла Джонсона (1709–1784), крупнейшего английского критика и биографа XVIII в. Автор статьи указывает на парадоксальный случай, связанный с рецепцией С. Джонсона в России: его главный труд в области литературно-биографической критики так и не был переведен на русский язык. В статье приводятся факты многочисленных некритических заимствований отечественными критиками и литературоведами XIX–XX вв. из джонсоновских «Жизнеописаний». Отмечен универсализм личности С. Джонсона — биографа, критика, эссеиста, лексикографа, драматурга, поэта, составителя комментариев, автора памфлетов, мастера эпистолярного жанра, наконец, христианина, оставившего после себя собрание молитв и размышлений. Дается описание источника, его места в наследии С. Джонсона и, шире, в английской культуре. Подчеркивается, что именно С. Джонсон создал литературно-биографическое и критическое эссе в Англии эпохи Просвещения. Говоря о подготовке к изданию в серии «Литературные памятники» первого полнотекстового перевода на русский язык «Жизнеописаний наиболее выдающихся английских поэтов», автор статьи приводит в качестве примера публикуемый ниже перевод «Жизнеописания Свифта», сопровождаемый комментариями.

Ключевые слова: Сэмюэл Джонсон, Джонатан Свифт, английская литература XVIII в., Просвещение, жанр жизнеописания, жанр биографии, литературная критика, исторический контекст, комментирование текста, перевод источников.

Информация об авторе: Наталья Игоревна Рейнгольд — доктор филологических наук, доктор философии по английской литературе (Великобритания), профессор, заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125993 г. Москва, Россия.

E-mail: n.reinhold@mail.ru

Для цитирования: Рейнгольд Н.И. Lumières английской критики // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 304–354. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-304-354

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

LUMIÈRES OF THE ENGLISH CRITICISM (Introductory Article). Samuel Johnson. Swift (From The Lives of the Most Eminent English Poets). Translated into Russian, with Notes

© 2018. N.I. Reinhold

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia*

Received: March 05, 2018

Date of publication: June 25, 2018

Abstract: This publication includes the introductory article and the translation of the source text, namely, “The Life of Swift” from *The Lives of the Most Eminent English Poets* (1781) by Samuel Johnson (1709–1784), a great eighteenth-century English literary critic and biographer. The author points at the paradox-like case of Samuel Johnson’s reception in Russia, with his *magnum opus* having been left untranslated into Russian. The article draws numerous examples of the unacknowledged borrowings from Johnson’s *Lives* made by the nineteenth- and twentieth-century Russian critics and scholars. The article highlights various aspects of Johnson’s versatile activities as a biographer and critic, an essay master and a compiler of the dictionary, a playwright and a poet, an editor and a publisher of commentaries and notes, a writer of pamphlet and letter writing, and last but not least, a good Christian who had left a collection of prayers and meditations. The article provides a detailed description of the source text in question, and defines its status among Johnson’s works and in English letters at large. The author of the article claims Johnson to be the true founder of the literary-cum-biographical-cum-critical essay eighteenth-century in England. She mentions the forthcoming publication of the first full-text translation of *The Lives of the Most Eminent English Poets* into Russian in the book series “Literaturnye pamyatniki,” and gives as a sample the translation of “The Life of Swift,” accompanied by notes.

Keywords: Samuel Johnson, Jonathan Swift, eighteenth-century English literature, the age of Enlightenment, a life, the genre of a biography, literary criticism, historical context, text commenting, translation.

Information about the author: Natalya I. Reinhold, DSc in Philology, PhD in English (United Kingdom), Professor and Head of the Department for Translation Studies, Interpreting and Translation at the Russian State University for the Humanities, Miusskiy Sq., 6, 125993 Moscow, Russia.

E-mail: n.reinhold@mail.ru

For citation: Reinhold N.I. *Lumières of the English criticism. (Introductory Article). Samuel Johnson. Swift (From The Lives of the Most Eminent English Poets). Translated into Russian, with Notes* *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 3, pp. 304–354. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-304-354

Общее место о пользе знания источников наводит порой на парадоксальные случаи. Например, произведение, значимое в истории одного народа и в мировой культуре, остается непереведенным, не освоенным другим народом, другой культурой. Кто-то сразу возразит: а в чем беда? Разве в мире все переведено? Разве нет текстов, которые, будучи важнейшими для прошлого и настоящего одного народа, совершенно не известны в других странах? Разве не в этом дополнительная ценность перевода как деятельности, которая позволяет, по мысли Вольфганга Изера, снова и снова, независимо от времени, забрасывать «рекурсивную петлю» в «черный ящик» «межкультурного пространства» [5, р. 32, 34]? Разве не в этом прелесть открытия? Свобода перевода и переводчика, наконец? Да, разумеется. Только речь о другом. Об авторитетных произведениях, которые, оставаясь непереведенными на какой-либо иностранный язык, постоянно присутствуют в общих разговорах. И при этом как источники остаются за кадром. Каждый такой casus интересен своей историей. Почему не перевели и не переводят, хотя постоянно используют, цитируют, не называя исходный текст и его автора? Во многом это вопросы историко-социологические, обсуждение их требует фактов, статистики, изучения рецепции и т. д. Об одном из таких casus речь в публикуемом материале.

Описывая Просвещение в Англии, отечественное литературоведение обычно ссылается на Джозефа Аддисона и Ричарда Стила, пионеров жанра английского нравоучительного эссе. Их воспитательные «опыты» (essays) печатались в газетах «The Tatler» (Болтун) и «The Spectator» (Зритель) в 1709–1714 гг. Литературоведы обычно сопровождают эту ссылку указанием, что предшественниками Аддисона и Стила на почве нравоучительно-

го эссе были итальянцы Каза и Кастильоне, деятели эпохи Возрождения. Источник этой параллели, как правило, не называют: сама ссылка давно стала общим местом. Имя автора, если и было известно, давно стерлось в памяти.

Другой пример. О знании биографии Джона Милтона русскими читателями XIX в. можно судить по предисловиям к переводам «Потерянного рая». Так, полный прозаический перевод П.А. Каншина знаменитой поэмы, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1891 г., предваряет обширная вступительная статья «Мильтон. Его жизнь и произведения». Предисловие изобилует подробностями. Например, Милтон — потомок аристократического рода, предки его некогда владели большим поместьем в графстве Оксфорд, во времена войны Алой и Белой Розы их имущество было конфисковано. «Мильтон первый из всех англичан после возрождения наук и искусств довел до совершенства писание латинских стихов, которые у него отличаются большим изяществом» [2, с. 3]. «Он [Милтон. — *Н.Р.*] безотлучно пробыл в Кембридже целых семь лет, если не считать короткого промежутка времени, на который он, как говорят, за какую-то мелкую провинность удален был из учебного заведения» [2, с. 5]. «Перед отъездом он [Милтон. — *Н.Р.*] получил от знаменитого сэра Генри Уоттона полезный совет “*abbere i pensieri soretti ed il viso sciolto*”, то есть держать свои мысли про себя, сохраняя при этом непринужденный и откровенный вид» [2, с. 7]. И так далее. За сто с лишним лет, прошедших со времени опубликования в 1777 г. первого русского перевода «Потерянного рая» Милтона до 1890-х гг., в России накоплено немало знаний о жизни создателя поэмы, и в конце XIX в. источники их еще были известны. Сегодня уже нет. Мы не знаем, откуда взяты эти факты.

Другой пример: Джонатан Свифт. У нас «Путешествия Гулливера» давно перешли в разряд детской литературы. Представляя же Свифта советским детям, авторы предисловий к этой книге считали необходимым упомянуть фразу, брошенную смельчаком Свифтом одному важному священнику: «Да стоило мне только палец поднять, и толпа разорвала бы вас на куски!» Понятно, что Свифта чуть ли не с восхищением изображали атеистом, но вопросы: откуда эта фраза? каков источник? что были за обстоятельства? — опять-таки остаются риторическими. Впрочем, в советское время трудно было ожидать более или менее полной биографии Свифта — настоятеля собора Св. Патрика в Дублине. Обратимся в таком случае к

русским биографиям Свифта конца XIX в. Как тогда представляли Свифта широкой аудитории русских читателей? Например, В.И. Яковенко, автор биографического очерка о Свифте, опубликованного в 1891 г. в библиотеке «Жизнь замечательных людей», явно не испытывал пиетета перед Свифтом и не считал нужным удалять из его биографии неудобные места. Так, Яковенко ссылается на скептическое мнение Джона Драйдена о поэтических способностях Свифта: «Драйден, литературный диктатор того времени и родственник Свифта, по поводу их [пиндарических од Свифта. — *Н.Р.*] сказал, между прочим: “Кузен Свифт, вы никогда не будете поэтом”. Слова эти сильно задели Свифта и он никогда не забывал жестокой обиды, нанесенной ему Драйденом» [4, с. 21]. Описывая политическую деятельность Свифта, Яковенко приводит факты и цифры: например, памфлет Свифта «Поведение союзников» «имел необычайный успех. <...> Опубликованный 27 ноября [1712 г. — *Н.Р.*], он уже в декабре вышел вторым изданием, которое разошлось в четыре часа. В течение каких-нибудь двух месяцев было продано 11 тысяч экземпляров» [4, с. 70–71]. Личная жизнь Свифта описана с запоминающимися деталями: на предложение Свифта его возлюбленной Стелле обнародовать их брак, она ответила отказом: «Слишком поздно» [4, с. 48]; а, говоря о предчувствии Свифтом своей смерти, Яковенко приводит красочное сравнение: «Глядя однажды на дерево с усохшей верхушкой, он сказал: “Смерть так же поразит прежде всего мою голову”. Слова эти оказались до некоторой степени пророческими» [4, с. 88]. Список примеров заимствований можно продолжить, но вернемся к нашему вопросу: каков их источник? И, в отличие от предыдущих случаев с Аддисоном, Стилом и Милтоном, Яковенко приводит список источников. В нем, в частности, указаны «Жизнь Джонатана Свифта» Генри Крэйка («The Life of Jonathan Swift» by Henry Craik) и «Свифт» («Swift») Лесли Стивена (Leslie Stephen). Желание В.И. Яковенко опереться на труды современных ему иностранных авторов понятно (мы и сегодня отдаем предпочтение «свежим» источникам при подготовке публикаций). Но здесь у нас, повторяю, особый случай.

Особым его делает общий для всех приведенных выше примеров источник. Это «Жизнеописания выдающихся английских поэтов» Сэмюэла Джонсона.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ высказывание Лабрюйера о любви, можно сказать: «Для русских Сэмюэл Джонсон подобен привидению: его упоминают во всех

разговорах, но никто его не видел». За двести с лишним лет, прошедших со смерти С. Джонсона, на русском языке появилось всего несколько переводов из его трудов. Благодаря им мы знаем лишь Джонсона-лексикографа. Филологи цитируют его высказывания «по Босуэллу». Авторы предисловий к изданиям Шекспира, Свифта, Поупа и других пользуются его суждениями, порой не зная (или не желая знать), что принадлежат они Сэмюэлу Джонсону. Удивительна его судьба «на берегах Волги»! Хотя в докторе Джонсоне англичане в первую очередь видят родоначальника литературной критики, основателя жанра биографии, создателя гуманитарной науки, а уж потом единоличного творца словаря английского языка... в таком качестве он практически не известен русским из-за отсутствия переводов.

Напомню несколько фактов.

Сэмюэл Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) — центральная фигура английского Просвещения, гуманитарной мысли XVIII в. И сегодня Сэмюэл Джонсон — **самый цитируемый** после Библии и Шекспира английский автор.

Биограф, критик, эссеист, лексикограф, драматург, поэт, редактор, составитель комментариев и примечаний, автор политических памфлетов, мастер эпистолярного жанра, наконец, христианин, оставивший после себя собрание молитв и размышлений, — все это Сэмюэл Джонсон, или доктор Джонсон, как уважительно называют его англичане. Его «Жизнеописания выдающихся английских поэтов», его труд по изданию и комментированию пьес Шекспира, его деятельность эссеиста, составителя словаря английского языка — все это вехи развития английской литературы и культуры в целом. Универсализм и масштаб личности С. Джонсона объясняют его славу. В нем сошлись широта мысли человека Просвещения, английский прагматизм и чувство достоинства, умение здраво судить обо всем — в том числе и о своей стране, ее истории в общем развитии народов, — талант поэта и проницательность критика, безграничная любознательность, позволявшая ему писать на любые темы, — от овощей и китайской архитектуры до тирании и гэльского языка. Как заметил Дж. Бейли, «Сэмюэл Джонсон — это основа нации (“a national institution”)».

Сегодня многие европейцы знают о Сэмюэле Джонсоне благодаря его биографу и другу Джеймсу Босуэллу (James Boswell, 1740–1795). Написанная Босуэллом биография «The Life of Samuel Johnson, Comprehending an

Account of his Studies and Numerous Works, in Chronological Order», впервые увидевшая свет в 1791 г., через семь лет после смерти Джонсона, сохранила для потомков многие его высказывания и, возможно, главное: обаяние личности. Кстати, первым познакомил русского читателя с Босуэллом, автором жизнеописания Сэмюэла Джонсона, еще в 1850-е гг. А.В. Дружинин [1].

Самое значительное произведение в литературном наследии критика — это «Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов, с критическими наблюдениями над их трудами» (*“The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations of Their Works”*, 1781). Место «Жизнеописаний» в английской литературе и критике трудно переоценить. Это основательный труд об английской поэзии XVII–XVIII вв. В нем Джонсону удалось решить одновременно несколько больших задач. Он создал форму критического обсуждения жизни и творчества поэта, установил иерархию для нескольких поколений английских поэтов. Определил магистральные и второстепенные линии развития поэзии. Предложил критерии суждения о поэзии с опорой на греко-римскую традицию и европейскую риторику XVI–XVIII вв. Прочертил историческую линию развития английского языка и в связи с нею — английской поэзии. Чувство и знание истории у Джонсона безупречны. Его оценки отличаются ясностью, здравостью и толерантностью. Весы джонсоновских суждений редко склоняются в сторону хвалы, чаще уравниваются указанием на промахи и ошибки, случающиеся и у самых крупных поэтов. Взгляд соколиный — видит все: от крупных до малейших деталей. К Джонсону полностью применима та характеристика идеального критика, которую предложил Т.С. Элиот в эссе «Мэтью Арнолд»: «Обозревающий картину критик обязан пристально вглядеться в даль, сквозь мощную призму своей мысли суметь различить на горизонте еле заметные фигурки и затем сравнить с ними и мельчайшие явления вблизи. Он должен верно оценить обстановку и масштабы окружающих нас объектов в едином целом обширной панорамы» [3, с. 173].

Вот уже 250 лет «Жизнеописания» Джонсона для англоязычного мира — основной вклад в критику поэзии.

В книгу входят 52 литературно-биографических и критических очерка об английских поэтах XVII–XVIII вв.; из них русскому читателю — не специалисту, но образованному читателю, филологу, студенту — известны от силы десять-двенадцать фигур.

Первое десяти томное издание 1779 г. называлось «Предисловия, биографические и критические, к произведениям английских поэтов» («Prefaces, Biographical and Critical, to the Works of the English Poets») и вошло в 65-томное издание сочинений английских поэтов.

Первое же издание собственно «Жизнеописаний выдающихся английских поэтов» в четырех томах увидело свет в 1781 г. [6].

Второе четырех томное издание 1783 г. — новая, уточненная и последняя прижизненная редакция предыдущего издания 1781 г. Это издание автор считал окончательным. В дальнейшем этот памятник переиздавали сотни раз полностью и выборочно. Кстати, первое издание с укороченным названием «Жизнеописания английских поэтов» («The Lives of the English Poets») вышло в 1810 г.

Обращает на себя внимание содержательный принцип, лежащий в основе композиции издания. Первое жизнеописание в каждом из четырех томов посвящено крупнейшему, самому выдающемуся, по мысли С. Джонсона, поэту данной школы, данного направления в поэзии. Так, первый том открывает жизнеописание Авраама Коули (другое написание — Каули) (Abraham Cowley, 1618–1667), основателя (согласно авторскому взгляду) метафизической поэзии в английской литературе XVII в. Второй том начинается с жизнеописания Джона Драйдена (John Dryden, 1631–1700), крупнейшего драматурга, поэта, переводчика, «отца английской критики» (the father of English criticism). Третий том открывает жизнеописание Мэтью Прайора (Matthew Prior, 1664–1721), поэта по всем меркам неординарного, сочетавшего в себе государственный ум и изобретательность стихотворца. Четвертый том начинается с жизнеописания Александра Поупа (Alexander Pope, 1688–1744), крупнейшего английского классициста, центральной фигуры в английской поэзии эпохи Раннего Просвещения. Таким образом, в распределении литературно-биографического материала по четырем томам виден взгляд С. Джонсона на основные вехи развития английской поэзии XVII–XVIII вв.

В каждом «Жизнеописании» Джонсон добивается, во-первых, биографической полноты. Он собирает из разных источников (письменных и устных) свидетельства жизни своего героя, каждый раз устанавливая их достоверность. Это образец английского подхода к биографии — стремление к полноте сведений, фактов, вплоть до воспроизведения бытовых документов вроде счетов, рецептов и т. д.

Вторая важная и ценная сторона «Жизнеописаний» — исторический контекст. Обсуждение творчества поэтов XVII в. сопровождается многими интереснейшими подробностями общественной, политической, религиозной жизни Англии эпохи гражданской войны, правления Кромвеля и периода Реставрации. Например, Джонсон цитирует речь Эдмунда Уоллера в Парламенте — этот документ был надолго изъят из официальной истории Парламента; описывает разные лагеря, разные позиции деятелей того времени, взаимоотношения поэта и власти, короля и Парламента. Все это делает его «Жизнеописания» бесценным историческим документом.

В-третьих, в «Жизнеописаниях» содержатся интересные литературные документы, по большей части не известные в переводе на русский язык. Например, те же записки Драйдена, сохраненные актером Гарриком и переданные им Джонсону. Или письмо Драйдена к сыновьям. Или полемика Драйдена и Элкана Сеттла (Elkanah Settle, 1648–1724). И многое другое.

В-четвертых, «Жизнеописания» объединены общим замыслом: установить хронологическую последовательность сочинений поэта, навести порядок в его библиографии, дать критическую оценку его стихов — просодии, художественного вкуса мастера, определить его место в английской поэзии. Разумеется, в духе XVIII в.: эссеистично, а не в форме научного трактата.

В-пятых, своими «Жизнеописаниями» Джонсон заложил основы комментирования поэтического текста.

В-шестых, Джонсон очертил взгляды предшественников и современников на перевод поэзии.

Все это делает его «Жизнеописания» одной из главных опор английской литературы и культуры в целом. Это труд выдающегося биографа и критика эпохи Просвещения, изложение литературно-критических и эстетических идей С. Джонсона. Наконец, это шедевр жанра биографии, который вот уже двести пятьдесят лет не увядает в английской литературе, составляет ее славу. Это свод критических суждений классика английской литературы, первое произведение нового для XVIII в. жанра критической биографии. На них опирается английская словесность последующих столетий, многие мысли Джонсона уже не один век служат крылатыми выражениями для англичан.

В настоящее время готовится к печати в серии «Литературные памятники» полнотекстовый комментированный перевод первого прижизненного издания “The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations of Their Works” («Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов, с критическим наблюдениями над их трудами») Сэмюэла Джонсона. Из обширного корпуса литературно-критических опытов вниманию читателей предлагается впервые публикуемый полный перевод «Жизнеописания Свифта» (в журнальном варианте).

Не забегая вперед, отметим в джонсоновской биографии Свифта то, что и спустя почти триста лет поражает критической силой, масштабом и остротой.

Джонсону удалось нарисовать в полный рост Свифта-полемиста, ведущего спор по всем фронтам: с королями и вельможами, иерархами церкви и первыми лицами государства, лучшими поэтами и писателями того времени. Свифт у Джонсона — боец в окружении великанов и карликов: из тысяч известных ему подробностей борьбы тори и вигов Джонсон выбирает самое важное, рисуя образ политического гения.

Мы вроде бы всегда знали про Свифта, автора «Писем суконщика», но только Джонсон имел смелость назвать Свифта отцом и легендой Ирландии потому, что именно Свифт научил ирландцев гордиться собой, отстаивать свои экономические интересы и свободу перед англичанами.

Отдельного упоминания заслуживает слово Джонсона о Свифте — рачительном священнике, декане главного дублинского собора Святого Патрика, чьими стараниями в Лондоне в первой половине XVIII в. построили 50 новых церквей.

Такая биография Свифта — ключ к его «Гулливеру». Если кто-то думает, что этот роман — талантливая игра воображения, то, прочитав Джонсона, скорее всего пересмотрит свое мнение. В одном из жизнеописаний Джонсон вскользь обронил, что нетрудно придумать повествовательный ход, позволяющий изображать предметы в большем или меньшем масштабе относительно их настоящего размера. Зато (продолжим уже от себя) трудно быть Свифтом, человеком невероятной судьбы, воплощением колеса фортуны, стойком по духу, бойцом по складу ума, единственным поэтом во всей английской литературе, почти ничего никогда не заимствовавшим у других.

Таким его изваял Сэмюэл Джонсон. Каждый поворот фразы его повествования о Свифте — это выверенный взмах резца скульптора. Его насыщенная, весомая речь — это плод ума одного из светочей английской культуры, столпа Просвещения.

Сэмюэл Джонсон СВИФТ

У нас уже есть Жизнеописание¹ доктора Свифта, с завидным трудолюбием и вниманием составленное доктором Хоксвортом согласно замыслу, которым я с ним поделился в доверительную пору нашей дружбы. И поскольку все, что я думал о жизни Свифта, я давно уже сообщил этому искусному литератору, умеющему подать рассказ прелестным слогом и с вящим драматизмом, то многого от меня ждать не стоит².

ДЖОНАТАН СВИФТ был сыном присяжного поверенного Джонатана Свифта³, согласно записи, собственноручно им составленной, и родился он в Дублине в день Св. Андрея в 1667 году; и, согласно его же словам, пересказанным Поупом Спенсу, он родился в Лестере и был сыном священника, служившего в Хирфордширском приходе⁴. Эта неопределенность места рождения сохранялась в течение всей жизни Свифта. Он не возражал, когда ирландцы называли его уроженцем Ирландии, но сам себя иногда называл

1 В переводе сохранены заглавные и прописные буквы подлинника.

2 Хоксворт Джон (John Hawkesworth, 1720–1773), литератор, друг Сэмюэла Джонсона; его биографический очерк о Дж. Свифте, опубликованный в 1754–1755 гг. послужил основным источником джонсоновского жизнеописания. Хоксворт — издатель собрания сочинений Свифта, куда вошли и упомянутый биографический очерк (The Works of Jonathan Swift. In 12 vols. L.: Printed for Bathurst, 1754–1755), и письма Свифта (Letters Written by Jonathan Swift. In 3 vols. 6th ed. L., 1767).

3 Свифт Джонатан (Jonathan Swift, 1640–1667), отец писателя Дж. Свифта.

4 Хирфордшир (Херефордшир) — графство на западе Англии. Историками установлено, что священником в Хирфордшире был дед Свифта по отцовской линии; рассказ же Поупа в передаче Спенса — явная ошибка. Об этом Джонсон наверняка знал и тем не менее отметил две версии происхождения Свифта. Причина, возможно, подсказана его жизнеописаниями Конгрива и Прайора, где имеется следующая сентенция: если выдающийся человек сеет сомнения относительно своего собственного происхождения, то это может говорить о его неискренности.

англичанином. Предадим и мы, со спокойной душой, этот вопрос тенетам таинственности, что он так любил напускать.

Каковы бы ни были обстоятельства рождения Свифта, образование у него точно ирландское. В шесть лет его отправили учиться в школу в Килкенни⁵, а в пятнадцать лет (в 1682 году) он был принят в университет Дублина.

Особым прилежанием в учебе он не отличался и учиться не любил. Читателей, конечно, огорчит тот факт, что экзаменаторы, решавшие вопрос о присуждении ему степени Бакалавра Искусств, сочли его недостойным кандидатом на общих основаниях, и степень он в конце концов получил *особой милостью*⁶ — так в университете Дублина именуют полное небрежение обязанностями.

Нетрудно представить меру пережитого им позора и последующее благотворное воздействие стыда. Именно тогда он решил заниматься по восемь часов в день и следующие семь лет твердо следовал этому правилу, добившись всем известных результатов. Об этой стороне его жизни хорошо бы вспоминать почаще: она поучительна и служит побудительным примером для тех, кто, предаваясь до поры до времени страстям или веселью, не развивает своих способностей, а когда часть жизни уже растрочена впустую, попадает в отчаяние от мысли, что наверстать упущенное уже невозможно.

Следующие три года своего пребывания в Дублине Свифт трудился в поте лица своего изо дня в день, и, если память и наблюдательность не подводят его старого однокашника⁷, тогда-то и появился на свет первый набросок «Сказки Бочки».

В 1688 году Свифту исполнился двадцать один год, умирает его дядя Годвин Свифт⁸, всё это время поддерживавший его материально; он остается без средств к существованию и едет за советом к матери в Лестер⁹; та надо-

5 Килкенни — ирландский город в юго-восточной части Ирландии, ведет свою историю с VI в. (Kilkenny, или Cill Chainnigh, букв. church of Cainnech, церковь Каника).

6 По-латыни «speciali gratia». Курсив С. Джонсона.

7 Речь об Уильяме Вэринге (другое написание — Вильям Уоринг) (William Waring), получившем степень бакалавра в 1685 г.

8 Свифт Годвин (Godwin Swift, 1624–1695), дядя Дж. Свифта; здесь в повествование Джонсона вкралась неточность: Годвин Свифт умер в 1695 г., и Дж. Свифт уехал из Дублина в Лестер в 1689 г.

9 Свифт Абигейл Эрик (Эбигел Ирик) (Abigail [Erick] Swift, 1640–1710), мать Дж. Свифта; в Лестере (старое написание, встречающееся в русских биографиях Свифта, — Лейчестер) она жила с тех пор, как ее сын пошёл в школу в Килкенни.

умила его обратиться за помощью и покровительством к супругу одной из своих родственниц, сэру Уильяму Темплу¹⁰, чей отец сэр Джон Темпл, Глава Кассационного Суда Ирландии, был в свое время очень дружен с Годвином Свифтом, благодетелем Джонатана.

Темпл доброжелательно принял племянника старинного друга своего отца и за беседой проникся к нему таким расположением, что никуда его от себя не отпустил, и Свифт прожил в его доме два года. Однажды ему довелось быть представленным Королю Вильгельму, который иногда наносил визиты Темплу, страдавшему подагрой: Свифт взялся сопровождать короля на прогулке по саду, и его Высочество собственноручно показал ему, как следует на голландский манер срезать спаржу.

Свою благосклонность юноше Король Вильгельм выразил единственным доступным его воображению образом: предложил ему чин ротмистра.

Вместе с семейством Темпла Свифт переехал в Мур-парк; примечательно, что на аудиенцию к Королю Вильгельму Темпл послал именно Свифта после собственных безуспешных попыток убедить графа Портленда в совершенной безопасности для королевской власти нового законопроекта о трехлетнем сроке действия парламента, вызвавшего сильное сопротивление монарха. Свифт поспешил на встречу, распираемый гордостью от такого назначения и преисполненный уверенности в успехе, как то свойственно молодым людям; он наверняка вооружился доводами и до мельчайших деталей продумал защиту, но вся его стройная аргументация оказалась бессильна перед твердой позицией Короля; впоследствии, когда ему доводилось вспоминать о том первом поражении, он всегда ссыался на него как на лучшее средство излечиться от гордыни.

Незадолго до отъезда из Ирландии у него случилось расстройство, которое он связывал с тем, что однажды переел фруктов. Происхождение любой болезни — дело темное. Кажется, какой мальчишка не объедается фруктами при первом удобном случае? — и ничего, никаких последствий. У Свифта же периодически случались приступы головокружения, сопровождаемые потерей слуха; это недомогание, начавшееся у него в раннем возрасте, терзало его всю жизнь и в конце концов свело его в могилу, помрачив его рассудок.

¹⁰ Темпл Уильям (Темпл Вильям) (William Temple, 1628–1699), государственный деятель, дипломат, вельможа, литератор.

Болезнь отравляла его жизнь в Мур-парке, ему посоветовали пожить в родном климате, и он отправился в Ирландию; но перемена мест облегчения не принесла, и, вернувшись в дом сэра Уильяма, он возобновил свои занятия, прочитав среди прочего *Киприана* и *Ириней Лионского*¹¹. Он решил спастись физическими упражнениями и взял за правило каждые два часа бегать по полмили вверх и вниз по горке.

Надо думать, никакой особой симпатии к Дублинскому университету после истории с присуждением бакалаврской степени он не питал, и его решение поступить в Оксфорд, чтобы там получить степень Магистра Искусств, выглядит понятным. Позорящая его формулировка в предъявленном им документе не фигурировала, и 5 июля 1692 года ему вручили со всем почетом и уважением Магистерскую степень.

В пору своей жизни у Темпла раз в год он навещал мать в Лестере; обычно шел туда пешком, лишь в дождливую погоду подсаживался в крытую повозку, а ночевал в самых затрапезных подворьях, неизменно платя шесть пенсов за чистое постельное белье. Лорд Оррери объясняет такую поведку Свифта его врожденной слабостью к грубости и плебейству; кто-то, возможно, увидит в этом его стремление познать жизнь во всей ее пестроте, а кто-то с той же долей вероятности узреет в этом глубоко затаенную страсть к накопительству.

Прошло еще какое-то время, и Свифт стал тяготиться своим пребыванием в Мур-парке, полагая, что заслуживает большего вознаграждения, чем удовольствие от бесед с Темплом, какими бы благотворными они ни были; и, наконец, его терпению пришел конец, он ушел, хлопнув дверью (случилось это в 1694 году).

Рассказывают, что Темпл, понимая, что он дал повод для недовольства Свифта, подыскал ему место Заместителя Главы Кассационного Суда Ирландии, заведомо зная, по словам одного из его родственников, что его протеже не годен для этой должности. И тогда Свифт твердо решил принять священнический сан, поначалу рассчитывая самое большее на должность

11 Киприан Карфагенский, или Тасций Цецилий Киприан (ок. 200–258 г. н.э.), епископ Карфагенский, латинский богослов, чьи сочинения посвящены осмыслению вопросов отступничества и раскола; Ириней Лионский (ок. 130–202 г. н.э.) — один из первых отцов церкви, богослов, автор сочинения «Против ересей». Джонсон отмечает факт чтения Свифтом ранних Отцов церкви как свидетельство его работы над «Сказкой бочки». Курсив С. Джонсона.

капеллана в торговом квартале Лиссабона; однако благодаря рекомендации лорда Кейпла¹² он получил пребенду в Килруте¹³ при епископате Коннора с годовым доходом около ста фунтов.

Но тут обнаружилось, что Темплу с его недугами никак не обойтись без такого наперсника, как Свифт, и он стал призывать его вернуться, обещая взамен пребенды в Ирландии добыть ему выгодное место в Англии. Свифт согласился, тем более что и сам, наверное, сожалел о разрыве отношений, и они снова зажили душа в душу¹⁴; вполне вероятно, за те четыре года, что пролегли между его возвращением и кончиной Темпла, он и мог написать «Сказку Бочки» и «Битву Книг»¹⁵.

Свифт всегда лелеял мысль, что рожден поэтом, и кому только не посвящал свои оды в духе Пиндара: и Темплу, и Королю, и Афинскому Обществу¹⁶ — этой небольшой кучке малоизвестных литераторов, выпускавших газетный листок с ответами на вопросы, которые корреспонденты задавали в своих письмах. Мне рассказывали, что, познакомившись с виршами Свифта, Драйден сказал ему: «Братец Свифт, поэт из тебя не получится»¹⁷, и после того вердикта Свифт всегда с неприязнью отзывался о Драйдене¹⁸.

В 1699 году Темпл умер и в наследство оставил Свифту свои рукописи, не забыв также заручиться обещанием Короля Вильгельма предоставить Свифту первую освободившуюся в Вестминстере или в Кентерберии пребенду.

12 Кейпл Генри (Henry Capel, 1638–1696), один из трех лордов-судей в Ирландии.

13 Это произошло в 1695 г. Килрут (Cill Ruaidh, букв. «церковь рыжего») — город в Северной Ирландии, по преданию, церковь в Килруте была основана в 412 г. Пребенда (лат. *Prebenda*, иначе *Beneficia*) — название на Западе тех материальных средств, какие получают духовные лица всех категорий в виде земельных владений, домов для жительства клира, доходов по церкви, денежного жалованья.

14 Свифт пробыл в Килруте полтора года.

15 «Битва книг» (*The Battle of the Books*, 1697) была опубликована вместе со «Сказкой бочки» (*A Tale of a Tub*) в 1704 г.

16 Речь о следующих одах Свифта: «Ода сэру Уильяму Темплу» (*Ode to Sir William Temple*), «Ода королю. На его ирландский поход» (*Ode to the King. On His Irish Expedition*) и «Ода Афинскому обществу» (*Ode to the Athenian Society*).

17 В 1735 г. Свифт отозвался о Драйдене как о близком родственнике: они были троюродными братьями. Эта история существует в нескольких редакциях, на нее ссылаются Дин Свифт, Дж. Уортон, Т. Уортон-старший и Э. Фентон.

18 Известно, что Свифт скрыто вышучивал Драйдена в «Сказке бочки» и насмешливо отзывался о его переводе Вергилия в своей «Битве книг».

Свифт, спеша напомнить Королю о себе, посвятил его Высочеству изданные посмертно сочинения Темпла из унаследованных им рукописей¹⁹, однако ничто — ни посвящение, ни добрые воспоминания о преданном и обласканном им вельможе — не оживило в памяти Короля Вильгельма данное когда-то слово²⁰. Пообивал было Свифт высокие пороги, но вскоре оставил эту пустую затею.

Спустя некоторое время граф Беркли предложил Свифту сопровождать его в поездке по Ирландии на правах личного секретаря, тот предложение принял и только в Дублине узнал о том, что его новую должность перехватил некто Буш, убедивший графа в том, что священник на роль секретаря не подходит²¹. В ответ на подобные ложь и непостоянство такой человек, как Свифт, не мог не вскипеть от негодования.

Но самое тяжелое ждало его впереди. Лорд Беркли собирался передать в новые руки церковный приход в Дерри, а Свифт рассчитывал его получить, но из-за того, что новоявленный и, видимо, умасленный взяткой секретарь употребил свое влияние, приход уплыл в другие руки. Свифту же достались пребанды Ларакора и Рэтбеггана в церковном округе Мита²², что в совокупности не составляло и половины дохода настоятеля.

В Ларакоре Свифт развернулся: проповеди отныне читались и по средам, и по пятницам; свои обязанности приходского священника он исполнял ревностно, согласно предписаниям, налагаемым саном.

Обосновавшись, он пригласил в Ларакор бедную Стеллу, молодую женщину по фамилии Джонсон²³, дочь стюарда в доме сэра Уильяма Темпла, которой последний, в знак благодарности за преданную службу ее отца, оставил по завещанию тысячу фунтов. Вместе с ней приехала миссис Дингли, чья пожизненная рента составляла сорок семь фунтов в год. В обществе

19 Помимо свода рукописей, У. Темпл оставил Свифту 100 фунтов; в 1700–1703 гг. Свифт издал трехтомное собрание писем У. Темпла с посвящением королю Вильгельму III.

20 Впоследствии Свифт с нескрываемым презрением повторял: «Слово короля! Ну и выражение!»

21 Беркли Чарльз (Берклей Чарльз) (Charles Berkeley, 1649–1710), государственный деятель, назначен в описываемое время лордом-судьей Ирландии; Буш Артур (Arthur Bushe), служащий на ирландской таможне, получивший место личного секретаря графа Беркли.

22 Дерри, также Лондондерри — город в северо-западной части Ольстера; Ларакор и Рэтбегган — небольшие приходы в графстве Мит (Meath).

23 «Стелла» (букв. звезда) — адресат «Дневника для Стеллы» Свифта, ее подлинное имя: Эстер Джонсон (Эсфирь Джонсон) (Esther, или Hester Johnson, 1681–1728).

этих дам Свифт коротал досуг, откровенничал, но они никогда не жили одним домом, и ни с одной из женщин Свифт не оставался наедине. Когда он надолго отлучался, дамы переезжали в его Приходской дом, а по возвращении хозяина перебирались на квартиру или гостили у соседа-священника.

Свифт не из тех мыслителей, что повергают в изумление свет своими ранними интеллектуальными достижениями: если не считать нескольких поэтических опытов, первое свое сочинение «О Раздорах в Афинах и Риме»²⁴ он опубликовал в тридцать четыре года (в 1701 году). Когда во время визита к одному из епископов Свифт услышал о том, что Бернет написал очередной памфлет, выказав себя в нем знатоком политики, он позволил себе усомниться в авторстве Бернета, а принимавший его епископ²⁵ отменил его доводы, сказав, что Свифт «слишком молод», и повторил: «молод и самонадеян».

Через три года (в 1704-м) в свет вышла «Сказка Бочки»²⁶, книга, по самым скромным оценкам, написанная человеком весьма своеобразным, без злого умысла, но, конечно, являющая собой опасный прецедент. Свое авторство Свифт так и не признал, хотя повсеместно и в общем бездоказательно считается, что автор именно он; единственным основанием в пользу этого суждения служит отсутствие других претендентов, а также тот факт, что Свифт не опротестовал отказ в назначении его епископом, который последовал вскоре после того, как Архиепископ Шарп и Герцогиня Сомерсет показали книгу Королеве²⁷.

24 Полное название «Слово о раздорах и расколе между знатью и плебсом в Афинах и Риме» (*Discourse of the Contests and Dissentions between the Nobles and the Commons in Athens and Rome*, 1701). Сочинение посвящено конституционной борьбе представителей Палаты лордов и Палаты общин по вопросу импичмента четырем пэрам, подписавшим Договор о разделе испанского наследства (*Partition Treaty*).

25 Речь об Уильяме Шеридане (*William Sheridan*, 1636–1711), епископе Килмора. Бернет Гилберт (*Gilbert Burnet*, 1643–1715) — епископ Солсбери, автор «Истории моего времени» (*History of My Own Time*, 1723–1734).

26 «Сказка бочки» (*A Tale of a Tub*) была опубликована анонимно в 1704 г.

27 Историю о противодействии выдвижению Свифта в епископы рассказывают все биографы писателя: Хоксворт, Делани (другое написание — Дилени) и Оррери. Речь идет об Архиепископе Йоркском Джоне Шарпе (*John Sharp*, 1645–1717) и Элизабет Сеймур, герцогине Сомерсет (*Elizabeth Seymour*, 1667–1722). В «Дневнике для Стеллы» содержатся нелицеприятные отзывы Свифта об этих персонах. Примечательно, что С. Джонсон впервые высказал серьезные сомнения в авторстве Свифта еще в 1773 г. По его мнению, «Сказка бочки» сильнее любого другого сочинения Свифта. Джонсон предполагал, что автором «Сказки бочки» был Дж. Арбетнот. Примечательно, что в свой словарь Джонсон не включил ни одной цитаты из «Сказки бочки».

Позднее, когда вокруг этой невероятной книги поднялся ажиотаж, Сэчеврелл в беседе со Смолриджем намекнул, лести ради, на его предположительное авторство, на что последний возмущенно ответил: «Никакие блага мира, ни Ваши, ни мои, ни вместе взятые, ни нынешние, ни будущие, не подвигли бы меня написать “Сказку Бочки”»²⁸.

Следует признать, что отступления, касающиеся Уоттона и Бентли²⁹, обнаруживают либо недостаток знания, либо безудержную позицию автора «Бочки»: он или не разобрался в существе двух споров, или намеренно их исказил. Но Ум Правде не соперник — всё равно рано или поздно сдастся. Потомки справедливо расценили, кто достоин лавров победителя в споре за ученость³⁰.

Сходство «Битвы Книг» с «Combat de Livres»³¹, во Франции вызванным к жизни тем же вопросом о Древних и Новых, столь велико, что, по-моему, трудно поверить в случайность совпадений; во всяком случае, безапелляционные анонимные опровержения, предпосланные английской книге в доказательство неведения автора о французском сочинении, не кажутся мне убедительными³².

После этого Свифт какое-то время не появлялся на публике; возможно, он ушел с головой в свои штудии и копил силы для будущего взлета. Мне неизвестно, бывал ли он в то время в Англии и как заботился о своей правде. Только четыре года спустя он заявил о себе как о состоявшемся авторе, опубликовав за один 1708-й год пародию на астрологию «Переживания Прихожанина Англиканской Церкви», выдав себя за некоего Бикерстаффа,

28 Сэчеврелл (Сачеверелль, Сачеверелл) Генри (Henry Sacheverell, 1674–1724), священнослужитель англиканской церкви; Смолридж Джордж (George Smalridge, 1663–1719), настоятель церкви Христа в Оксфорде, епископ Бристоля.

29 Уоттон (Воттон) Уильям (William Wotton, 1666–1727) оспорил аргументы У. Темпла в пользу превосходства древних ученых в своем сочинении «Размышление о древней и новой учености» (Reflections upon Ancient and Modern Learning, 1694). Бентли Ричард (Richard Bentley, 1662–1742) доказал, что «Послания Фалария» (Epistles of Phalaris), принятые Темплом за подлинные, на самом деле таковыми не являются. Свифт в споре «Древних и Новых» поддерживал Темпла.

30 Этой фразой Джонсон указывает на Бентли и Уоттона как на победителей в споре о «Древних и Новых».

31 “Combat de Livres” (1688) — сочинение Франсуа де Кальера (Francois de Callières, 1645–1717), французского дипломата.

32 Джонсон, по-видимому, разделяет взгляд Уоттона на «Битву книг» как на заимствование из труда Франсуа де Кальера.

а также «Рассуждение о Неудобстве Уничтожения Христианства в Англии» и апологию Причащения.

«Переживания Прихожанина Англиканской Церкви» написаны предельно скупой, сдержанной, просто и ясно, а «Рассуждение о Неудобстве Уничтожения Христианства в Англии» — остроумно и взвешенно-иронично. Стоит даже процитировать один пассаж из последнего сочинения:

«Если бы христианство в один прекрасный день было отменено, то каким образом свободомыслящие серьезные мыслители и мудрые ученые могли бы найти другую тему, столь подходящую со всех точек зрения для упражнения своих способностей? Каких лишились бы мы чудесных и удивительных произведений человеческой мысли, созданных теми гениальными умами, которые, в силу привычки, полностью посвятили себя пасквилям на церковь и насмешкам над религией и поэтому уже никогда не смогут блеснуть или отличиться в какой-либо другой области? Каждый день мы жалуемся на упадок остроумия среди наших писателей, и неужели мы теперь откажемся от величайшей, может быть единственной темы, которая у нас осталась? Да кому бы могло когда-нибудь прийти в голову, что Эгилл³³ — столь остроумный писатель, а Толанд³⁴ — философ, если бы у них под рукой не было неистощимой темы христианства, которая обеспечила их материалом? Какая другая тема из области искусства или природы могла бы создать Тиндалю³⁵ славу глубокого мыслителя и привлечь внимание читателей к его сочинениям? Нет, только продуманный выбор темы возвышает и отличает подлинного писателя. Если бы сотня таких писак, как они, выступила на стороне религии, все сто тотчас бы канули в Лету»³⁶.

Доказать разумность Причащения нетрудно, сложнее подметить, как пренебрегают его истинным смыслом³⁷.

33 Эгилл Джон (John Asgill, 1659–1738), полемист-деист.

34 Толанд (Толэнд) Джон (John Toland, 1670–1722), деист, участник богословских диспутов.

35 Тиндаль (Тиндал) Мэтью (Matthew Tindal, 1657–1733), деист, участник теологических споров.

36 Отрывок из «Рассуждения о неудобстве уничтожения христианства в Англии» цит. в переводе Б. Томашевского по: *Свифт Дж.* Памфлеты. М.: ГИХЛ, 1955. С. 22–36.

37 Свифт выступил против отмены закона о Причащении, согласно которому все, кто поступал на государственную службу, должны были проходить обряд по уставу англиканской

Стил, задумывая своего «The Tatler», обратил внимание на общий интерес к заметкам, опубликованным под именем Бикерстаффа, и решил воспользоваться этим, уже известным среди читателей прозвищем³⁸.

На следующий год Свифт выступил с «Проектом Содействия Преуспению Религии»³⁹, адресовав его леди Беркли, чье расположение, вполне вероятно, позволило ему крепко встать на ноги. Проект всем хорош: и цель у него благая, и написан он живо и изящным слогом, — единственное возражение, которое он вызывает, как, впрочем, и любой другой проект, состоит в том, что он не то чтобы непрактичен, а совершенно невыполним, в силу того, что требует от человечества столь великого рвения, единодушия и трудолюбия, каких трезвомыслящему человеку трудно ожидать от простых смертных.

В тот год он еще написал «Защиту Бикерстаффа» и пояснение к «Древнему Пророчеству» — ту его часть, что следует за изложением фактов⁴⁰; остальное осталось незаконченным, но и то, что имеется в виде плана, достойно всяческого восхищения.

Вслед за тем в жизни Свифта наступила полоса бурной и значительной деятельности. В 1710 году прелат Ирландии⁴¹ поручил ему добиться согласия Королевы на возвращение ирландскому духовенству Десятин и Первинок⁴². С этой целью Свифт вступил в сношения с мистером Харли⁴³, которому был представлен как человек, натерпевшийся бед и унижения при последнем кабинете министров за то, что отказался участвовать в некоторых темных делишках. Что это были за дела, не уточнялось, а в слове «унижение», полагаю, скрывался намёк на его отстранение от епископства

церкви. В ноябре 1711 г. Свифт в «Дневнике для Стеллы» описал, как несколько молодых повес «получили причастие не за набожность, а за службу, согласно парламентскому закону».

38 Периодическое издание "The Tatler" (Болтун) выходило с 12 апреля 1709 г.; издавая собрание опубликованных в нем статей, Ричард Стил в предисловии поблагодарил Свифта за разрешение использовать имя его персонажа Исаака Бикерстаффа.

39 Свифт посвятил свой «Проект содействия преуспению религии» (Project for the Advancement of Religion, 1709) Элизабет Беркли (Elizabeth Berkeley, 1655–1719). Проект состоял в придании морали и религии статуса «модных придворных добродетелей».

40 Речь о «Защите Исаака Бикерстаффа» (A Vindication of Isaac Bickerstaff, 1709) и «Знаменитом предсказании Мерлина, британского волшебника» (A Famous Prediction of Merlin, the British Wizard, 1709), — последнее представляет собой мистификацию, сочиненную в начале XVI в. и, видимо, истолкованную Джонсоном как подлинную.

41 Архиепископ Армы — Нарциссий Марш (Narcissus Marsh, 1638–1713).

42 Первинки, или Первые Плоды (The First Fruits) — доходы церкви за первый год.

43 Харли Роберт (Robert Harley, 1661–1724), лорд казначей, принял Свифта в октябре 1710 г.

стараниями Шарпа, именуемого не иначе как «безобидным орудием в руках ненавистников» и впоследствии осмеянного им как «ищущего спасения в судебных исках»⁴⁴.

Харли считал, что ему повезло с таким даровитым помощником, в ту пору он строил планы и имел виды на будущее, поэтому лед между ними быстро растаял, но сказать, что Свифт стал его доверенным лицом, пожалуй, было бы неправильно, недаром у некоторых есть сомнения на этот счет; хотя, опять же, трудно представить, чтобы Свифт воодушевился, не будучи уверенным, что ему доверяют, и легко поддался бы беспочвенным иллюзиям.

Разумеется, он был вхож во все те кабинеты, где на заседаниях разрабатывался первоначальный план действий, и получил известность как один из шестнадцати министров, или, если угодно, чиновников министерства, которые каждую неделю встречались друг у друга на дому и входили в так называемое общество «Братьев»⁴⁵.

Свифт не вдруг обрел репутацию несгибаемого Тори; поначалу круг его общения включал всех без исключения интеллектуалов, в том числе Стила, чью похвалу он заслужил своей умной беседой и несколькими публикациями в «The Tatler», выходившем с 1710 года⁴⁶. Но политическая борьба затягивала Свифта, и он в том же году разразился тридцатью тремя статьями в новоявленном «The Examiner»⁴⁷. В искусстве полемики перевес всегда был за ним, ибо там, где вся система поведения и весь публичный уклад уязвимы для критики, обвинителю, располагающему всеми фактами, сам бог велел нападать и выигрывать; и все же, боюсь, ни один из выпадов Свифта не сравнится по остроумию ни с одним из ответных уколов Аддисона⁴⁸.

44 Джонсон цитирует строки 51–52 из стихотворения Свифта «Автор о самом себе» (The Author upon Himself, 1714), где говорится об архиепископе Шарпе. Ср. в оригинале: «He sues for pardon».

45 В 1711–1712 гг. Свифт ссыался на «Общество», или «Братьев» — вечерний клуб тори, созданный Генри Сент-Джоном, в который входили 22 члена.

46 До 1705 г. Свифт был вигом в политических вопросах. Среди его знакомых такие видные виги, как Аддисон, Стил, Эмброуз, Филипс, Конгрив. В «The Tatler» Свифт опубликовал два своих стихотворения «Утренняя картина» (A Description of the Morning) и «Описание городского ливня» (A Description of a City Shower).

47 Периодическое издание «The Examiner» (Исследователь), выходившее с 1710 г., было органом партии тори.

48 Осенью 1710 г. Аддисон издал пять выпусков «The Whig Examiner» (Исследователь вигов).

В начале следующего года в свет вышло его «Предложение об исправлении, улучшении и закреплении Английского Языка в письме графу Оксфорду»⁴⁹, где Свифт, увы, не выказал себя ни знатоком общих основ языка, ни строгим исследователем истории языков различных. Полагая возможным, вопреки опыту, достижение устойчивости и стабильности, он предлагает в качестве проверенного средства учредить академию, — академию, чьи предписания, буде последняя учреждена, люди наотрез отказались бы выполнять, а сама она, пройдя несколько раз через процедуру выборов, за короткое время изменилась бы до неузнаваемости.

В том же году он написал «Письмо Членам “Клуба Октября”»: так называлась группа сельских представителей партии Тори, которых пригласили заседать в Парламенте, а они собрали клуб в составе приблизительно ста человек и устраивали закрытые заседания для поднятия общего настроения и боевого духа⁵⁰. Резонно подметив, что Министры не торопятся использовать имеющиеся возможности, не принимают в расчет воодушевление народа, они призвали к более решительным переменам и энергичным действиям, требуя наказания и отставки тех чиновников, кого они во всеуслышание объявили ворами.

Королева и Харли не одобряли их рвения. Королева, скорее всего, осторожничала, а Харли выгадывал: к Тори он примкнул то ли вынужденно, то ли из корысти, и, получив власть, он толком не знал, на что ее употребить; чувствуя необходимость отблагодарить тори, на чьих плечах он вознесся, он тем не менее не хотел упускать возможность примириться с Вигами, пусть и в отдаленной перспективе, поэтому он тайно переписывался сразу с двумя претендентами на трон, держа вопрос о наследовании в подвешенном состоянии. Он не знал, что делать, и в итоге не делал ничего; из-за своей политики быть слугой двух господ он потерял власть и нажил себе врагов.

Свифт вроде бы разделял позицию членов «Клуба Октября», но подтолкнуть Харли к более решительным действиям при всем желании был не в

49 «Предложение» (A Proposal for correcting, improving, and ascertaining the English Tongue) Свифта вышло в мае 1712 г. Виги подвергли его острой критике, Вольтер же в своих «Письмах об английской нации» (1733) вменил в вину вигам отказ создать после смерти королевы Анны академию английского языка.

50 «Клуб октября» (другой вариант — Октябрьский клуб) состоял из сотни эсквайров (название клуба аналогично празднованию «Oktoberfest» в Германии). Члены клуба призывали к жестким мерам против прежнего кабинета министров, состоявшего из вигов.

силах: все его попытки оказались тщетными. Зачем человеку торопиться, если он не знает, куда идти? Харли и так по природе своей был медлителен, а нерешительность сделала его вдвойне осторожным, и он втайне хвалил себя за дальновидность, слыша, как окружающие сетуют на неспешный ход событий.

Впрочем, всё решали Тори, поэтому их старались если не задобрить, то расположить к себе, а Министру если не потакали, то, по крайней мере, относились к его поведению снисходительно.

Свифт в ту пору достиг апогея на политическом Олимпе: в 1712 году, за десять дней до созыва Парламента, он опубликовал «Поведение Союзников»⁵¹. Идея состояла в том, чтобы склонить соотечественников к миру⁵², и Свифту это удалось как никакому другому писателю. Народ, который до этого тешил себя фейерверками и победными реляциями, с обожанием взирая на Генерала⁵³ и его окружение как на благодетелей, превративших Англию, казалось, в образец для подражания других стран, оторопел от стыда и гнева при новости о том, что «рудники истощены, миллионы убиты»⁵⁴, и всё это ради обогащения голландцев или прославления императора, без малейшей выгоды для собственной страны. Вскрылись факты подкупа соседей, за чьи интересы мы же и воевали, и наличия немалого числа союзников среди врагов.

Тогда страна впервые узнала то, о чем сегодня известно всем: войну искусственно затягивали, чтобы Мальборо набивал себе карманы, и если бы он и дальше продолжил опустошать казну, конца войне было бы не видеть. Но Свифт, сочиняя свой памфлет, думаю, еще не знал о том, что была созвана комиссия по присуждению Мальборо пожизненного звания генерала и только вмешательство лорда Каупера, наотрез отказавшегося утвердить протокол, аннулировало это решение.

«Что бы ни получал человек», сказано в учении, «он все получает по заслугам»⁵⁵. Воздействие политического трактата в огромной мере зависит от настроения народа, а народ в то время кипел от возмущения, и поэтому

51 В оригинале «The Conduct of the Allies». Это произведение Свифта было опубликовано 21 ноября 1711 г. Новый состав Парламента должен был заседать 7 декабря, чтобы по сути ратифицировать мирный договор, обсуждение которого шло полным ходом.

52 Речь идет о мире с Францией.

53 Генерал Мальборо Джон Черчилль (John Churchill Marlborough, 1650–1722), военачальник, известный крупными победами в начале XVIII в.

54 Джонсон цитирует стихотворение Томаса Тикля (Томаса Тикля) (Thomas Tickell, 1685–1740) «Поэма о будущем мире» (Poem on the Prospect of Peace, 1712).

55 Это парафраз сентенций средневековых схоластов, например, Фомы Аквинского.

одной искры было достаточно, чтобы разгорелся пожар. Рассказывают, что с ноября по январь было продано одиннадцать тысяч оттисков сви́фтовского памфлета — число по тем временам невиданное: тогда мы еще не были читающей нацией. Конечно, хватало людей, облеченных властью, влиятельных, которые способствовали распространению книги. Она не сходилась с уст собеседников, к ней прибегали как к аргументу в споре, она служила источником для парламентских решений.

И все же, если холодно оценить этот чудодейственный памфлет, то сомнений не останется: его успех — производное разгоряченного воображения читателей, а само сочинение представляет собой изложение вопиющих фактов не самым бойким пером.

В том же 1712 году Свифт опубликовал свои «Размышления о Буферном Договоре»⁵⁶, написанные в продолжение его «Поведения Союзников» и со всей очевидностью доказывающие, что переговоры велись с ущемлением интересов Англии — в пользу голландцев, готовых присвоить часть завоеванной страны.

Затем, в ответ на памфлет епископа Бернета, опубликованный в назидание народу против усиления в стране папистских настроений⁵⁷, Свифт разразился «Замечаниями по поводу Вступительной Статьи Епископа Сарума к третьему тому его “Истории Реформации”»⁵⁸, где он не упускает случая хлестко отчитать епископа, что наводит на мысль о существовании каких-то иных причин его неприязни к Бернету, нежели политическая брезгливость⁵⁹.

Отныне к Свифту, новоявленному фавориту и предположительно доверенному лицу правительства Тори, любой, зависимый от Двора, человек обращался с почтением, какое умеют выказывать только прислужники. Вскоре он на себе ощутил издержки высокого положения: похвалиться знакомством с ним было равносильно повороту фортуны. Со всех сторон

56 Памфлет «Некоторые замечания о буферном договоре между ее Высочеством и генерал-губернаторами» (Some Remarks on the Barrier Treaty) был опубликован в феврале 1712 г.

57 Бернет Гилберт (Gilbert Burnet, 1643–1715), епископ, опубликовал «Вступление к третьей части “Истории Реформации”» в 1713 г.

58 В своем памфлете Свифт, в частности, писал, что Бернет «за пятьсот миль носом чует Папство». Под именем «епископа Сарума» имеется в виду Г. Бернет.

59 Некоторые факты свидетельствуют о том, что епископ Бернет, вкупе с другими лордами, обещал, в случае обретения ими власти, осыпать Свифта привилегиями.

к нему зывали с просьбами, инструкциями, жалобами; он был нарасхват, радея то одному, то другому знакомому, для одного добывая место, другому помогая усидеть. Ему самому представлялось, что он презиранно хлопочет за просителей, но ему этого было мало: он хотел, чтобы и другие разделяли его уверенность в том, что многие достойные виги, включая Аддисона и Стила, сохранили свои должности именно благодаря его поддержке. Но, как бывает с каждым влиятельным лицом, среди нескончаемой вереницы просителей всегда найдется кто-то, чье прошение останется без ответа; обиженных всегда будет больше, чем довольных, ибо оказанное кому-то одному преимущество дает всем остальным повод для жалобы. Как говорил Людовик XIV, «стоит мне сделать назначение, и сто подданных оказываются недовольными, а от одного жди неблагодарности»⁶⁰.

Независимый нрав и чувство равноправия, с которыми Свифт держался в обществе Министров, его нелицеприятная критика и открытая дружба давно вошли в поговорку. Несколько случаев, выбивающихся из этой общей линии поведения, погоды не делают. Однако нет большего сервилизма по отношению к Власть предрежающим, чем в их присутствии кичиться своей независимостью. Между сословиями всегда сохраняется дистанция: да, вышестоящее лицо может предложить своему менее именитому собеседнику быть накоротке, и тот, скорее всего, согласится; но на великодушные редко отвечают капризами и наскоками, чаще те проистекают из менее благородного источника: кичливого самодовольства, мстительной посредственности. Тот, кто осознает свою независимость, будет подчеркивать свою значимость до тех пор, пока в нем нуждаются, и, если слуга особо даровит, любая колкость будет сходиться ему с рук; однако, колкости он позволяет себе только потому, что он слуга. Свифту же, по всей видимости, удалось сохранить благосклонность вельмож даже тогда, когда нужда в нем отпала; вероятно, более благородные свойства его натуры возобладали над задиристостью, к которой он питал определенную слабость.

Много говорят о его бескорыстии, о некоем рыцарстве, кажущемся в его положении романтическим и неуместным. Как говорится, свято место пусто

60 Джонсон приводит по-английски высказывание Вольтера в «Веке Людовика XIV» (Siècle de Louis XIV), глава XXVI: «Toutes les fois que je donne une place vacante, je fais cent mécontents et un ingrate». Это же высказывание Джонсон перифразирует в своем романе «Расселас», глава XXVII.

не бывает: если есть церковные вакансии, их нужно раздать, и приближенные к власти люди, имеющие необходимую квалификацию, вправе рассчитывать на эти должности. В 1713 году Свифт получил место Декана Св. Патрика⁶¹, лучшее назначение из всех, что могли добыть его доброжелатели. Тогдашний кабинет Министров имел сильную поддержку со стороны священников, хотя те так до конца и не приняли автора «Сказки Бочки», громко возмущаясь и высказывая недовольство тем, что он становится Деканом Английского Собора.

Да, действительно, Свифт отказался взять пятьдесят фунтов, предложенные ему лордом Оксфордом, зато позднее ничто не помешало ему принять от казначейства чек на тысячу фунтов, а тот после смерти Королевы где-то затерялся, и ему пришлось, как он пишет, «*multa gemenus*» (с большим прискорбием)⁶² распрощаться с мыслью об этой сумме.

Находясь на гребне власти, в самый разгар политической борьбы он записывал в дневник подробности визитов, прогулок, бесед с Министрами, ссор со своим слугой, делясь ими с миссис Джонсон и миссис Дингли, которым, он наверняка знал, было интересно всё, что с ним происходит, вплоть до каждой мелочи. Едва ли кому-то из недоброжелателей Декана попадались на глаза эти житейские описания. Однако именно они странным образом притягивают внимание читателя: то и дело попадают имена людей, слышащих знаменитостями, и хочется читать дальше в надежде обнаружить новые подробности; но даже если таковые не отыскиваются, жаловаться грешно, поскольку чтение совсем не утомляет. Как нетрудно заметить, деятельный честлюбивый Свифт тосковал по домашнему очагу.

Он отправился в Ирландию сразу по получении места Декана, однако не пробыл там и полмесяца, как его снова затребовали в Англию, дабы он помирил лорда Оксфорда и лорда Болингброка, чьи отношения дали трещину, с каждым днем их взаимная неприязнь только росла, а Болингброк так и не избыл свою до конца дней⁶³.

61 Самый большой англиканский собор из двух соборов Дублина (второй — «*Christ Church*», или Собор Церкви Христовой); основанный в конце XII в., собор Св. Патрика стал англиканским собором Ирландской церкви в период Реформации; в конце XIX в. собор получил статус Национального собора Ирландии.

62 Примечательно, что Харли, лорд Оксфорд послал Свифту 50 фунтов за его статьи в «*The Examiner*» (Исследователе), опубликованные в марте 1711 г., а чек на 1000 фунтов Свифт принял в 1713 г., в надежде пустить эти деньги на ремонт дома настоятеля в Дублине.

63 Джонсон описывает события 1711–1712 гг.

Свифту удалось свести враждующие стороны, но закончилась встреча к взаимному неудовольствию, и тогда Свифт устроил второе randevu, после которого у него самого не осталось сомнений в неизбежности разрыва, о чем он недвусмысленно предупредил обоих политиков. Оксфорд с ним не согласился, считая, что еще не всё потеряно, а Болингброк шепотом признал его, Свифта, правоту.

В начале 1714 года, незадолго до этого сокрушительного удара по кабинету Министров, Свифт в ответ на памфлет Стила «О Кризисе», за который последнего прогнали из Палаты Общин, опубликовал свой под названием «Публичный Дух Вигов»⁶⁴. К тому времени Свифт настолько отдалился от Стила, что даже не считал нужным сохранять видимость приличий в их отношениях: это видно по его тону, то небрежному, то полубрезгливому.

В том памфлете Свифта несколько раз упоминались шотландцы⁶⁵, и каждый раз с таким нестерпимым для гордого народа вызовом, что Шотландские Лорды, разом вспомнив, что их «нельзя безнаказанно обидеть»⁶⁶, добились аудиенции Королевы и потребовали репараций. Была изготовлена листовка с предложением заплатить триста фунтов тому, кто раскроет имя пасквильанта. От этой бури, по словам Свифта, ему удалось «спастись только благодаря одной уловке», — что это была за уловка и кто ее придумал, неизвестно, но после того случая его репутация сред шотландцев пошла в гору, и «Шотландия снова предложила ему свою дружбу»⁶⁷.

Виги видели в нем столь серьезную угрозу своему существованию, что в Парламенте открыто возражали против его сношений с Министрами, на чем особенно настаивали Айлаби и Уолпол⁶⁸, которые в скором будущем стали видными деятелями.

64 «Публичный дух вигов» (The Publick Spirit of the Whigs, 1714) — последняя попытка Свифта защитить кабинет министров во главе с Оксфордом; этот памфлет написан в опровержение статьи Стила «О кризисе» (The Crisis, 1714).

65 В мае 1707 г. вступила в действие Уния об объединении Англии и Шотландии, подписанная в 1706 г.

66 Джонсон перифразирует девиз Шотландии: «Nemo me impune lacessit» (лат.).

67 Здесь, как и в предыдущей цитате, Джонсон следует за стихотворением Свифта «Автор о самом себе» (The Author upon Himself, 1714).

68 Айлаби Джон (John Aislabie, 1670–1742), государственный деятель, политик из партии вигов, ответственный за создание так называемого южноазиатского пузыря; Уолпол Роберт (Robert Walpole, 1676–1745), граф Орфорд, политик из партии вигов.

Отлученный от своих высокопоставленных друзей, Свифт быстро потерял влияние, истощились его замыслы, и он, видя, что более в его услугах не нуждаются, удалился летом 1714 года в Беркшир; там, пользуясь гостеприимством своего знакомого⁶⁹, он написал памфлет, который впоследствии был запрещен, а ныне известен под названием «Свободные Мысли о современном Положении Дел»⁷⁰.

Пока он выжидал, следя за тем, как разворачиваются события, внезапная смерть Королевы обрушила политическую систему, созданную Тори, похоронив всякие надежды на примирение с воинственно-победным лагерем Вигов, и Свифту оставалось лишь прозябать в безвестности.

О его возвращении в Ирландию Оррери и Делани рассказывают столь по-разному, что если мы хотим поверить им обоим (а у нас нет оснований сомневаться в достоверности их сведений) и сохранить их репутацию незапятнанной, то выход только один: предположить, что они описывают разные периоды в жизни Свифта. Говоря, что Свифту был оказан почтительный прием, Делани имеет в виду первые две недели его пребывания, то есть пору его вступления в законные права Декана; а когда Оррери рассказывает об обструкции, которую ему устраивали жители на улицах, он толкует о более позднем времени, когда Свифт уже окончательно обосновался на новом месте, то есть уже после смерти Королевы⁷¹.

Первое время рогатки в юридических вопросах ему пытался ставить архиепископ Дублина, но довольно быстро обнаружилось, что по части ведения дел благородный безупречный Свифт редко ошибается и, если он прав (а прав он почти всегда), то он не уступит ни пяди.

Он еще не остыл от партийных споров и придворных интриг, недавние волнения все еще занимали его мысли, подобно тому, как море волнует-ся после недавнего шторма. По свежим следам памятных событий он написал записки о «Смене Министров» и о «Поведении Кабинета Министров»⁷².

69 Речь идет о преподобном Джоне Гири (John Geree), в доме которого в местечке Леткоум Бассет в Вэнтедже Свифт прожил лето 1714 г.

70 Полное название памфлета — «Некоторые свободные мысли о современном положении дел» (Some Free Thoughts upon the Present State of Affairs, 1741).

71 Королева Анна умерла 1 августа 1714 г.

72 Свои «Воспоминания о случившейся в 1710 г. перемене» (Memoirs Relating to that Change Which Happened in the Year 1710) Свифт написал осенью 1714 г., а «Расследование поведения последнего при жизни королевы кабинета министров» (Enquiry into the Behaviour of the Queen's Last Ministry) — в 1715–1717 гг. Оба сочинения были опубликованы посмертно в 1765 г.

Говорят, что тогда же он возобновил работу над «Историей последних Четырех Лет Правления Королевы Анны», начатую еще при жизни ее Высочества, и весьма упорно трудился над этим сочинением, но огласке так и не предал. Уже после его смерти рукопись оказалась в руках лорда Оррери и доктора Кинга. Да, книгу с точно таким же заглавием, под именем Свифта выпустил в свет доктор Лукас, но мне нечего сказать по этому поводу, кроме того, что упомянутая публикация никоим образом не совпадает с тем представлением о книге, которое я как слушатель вынес из беседы графа Оррери и Льюиса Старшего⁷³.

Итак, Свифту пора было привыкать к ненавистой для него мысли, что он ирландец, и пытаться наладить свою жизнь в стране, которая казалась ему местом ссылки. Видимо, тогда-то он и стал истово набожным. В те дни его впервые посетила мысль о смерти и более уже не оставляла, став наваждением всей его жизни.

Дважды в неделю он устраивал в своем доме приемы, не без удивления обнаружив, что они привлекают все больше и больше гостей обоего пола из числа людей образованных, с тонким вкусом. Миссис Джонсон переехала из сельской местности в Дублин и снимала комнаты неподалеку от дома Декана. В дни торжеств она хлопотала по хозяйству, но за столом вела себя на правах гостьи, как одна из приглашенных дам.

По будням он имел обыкновение столоваться за деньги у кафедрального капеллана мистера Уорррэла⁷⁴, у которого был чистый опрятный дом и обходительная супруга. Такой непривлекательный образ жизни сложился у Свифта из желания расплатиться с долгами, которые он успел наделать, а потом, когда необходимость отпала, он продолжал следовать старому распорядку уже из любви к скопидомству. Впрочем, скарденность не мешала ему сохранять лицо: он обедал на серебре и любил говаривать, что среди

73 «Историю последних четырех лет правления королевы Анны» (History of the Last Four Years of the Queen) Свифт написал в 1712–1713 гг. В 1737 г. он переслал рукопись через Оррери Уильяму Кингу (William King, 1685–1763), бывшему главой колледжа Св. Марии в Оксфорде, якобы по убеждениям, однако граф Оксфорд и другие публиковать ее отсоветовали. Доктор Чарлз Лукас (Charles Lucas, 1713–1771), врач по профессии и радикал по политическим взглядам, был фактическим редактором издания «Истории» Свифта. Излагая свои сомнения в этом вопросе, Джонсон ссылается на Эразма Льюиса (Erasm Lewis, 1670–1754), политика, с которым был знаком.

74 Уоррэл Джон (John Worrall, ок. 1666–1751), глава церковного хора в соборах Св. Патрика и Церкви Христовой.

ирландцев благородного звания он единственный бедняк, который ест на серебре, и единственный богач без собственного выезда.

Многие тщетно ломали голову над тем, как он проводил остальное время, чему посвящал часы своих штудий. Чужая душа — потемки, а Свифт никому никогда не открывался и ни перед кем не отчитывался ни о своих делах, ни о досуге.

В 1716 году доктор Эш, епископ Клогера, тайно обвенчал сорокадвятилетнего Свифта и миссис Джонсон; как сообщил мне доктор Мэдден, венчание происходило в саду. После женитьбы все осталось, как прежде: молодые не съехались, продолжали жить в разных домах, и супруга Свифта переселялась в настоятельные покои мужа лишь тогда, когда у того обострялись приступы головокружения. Как говорит лорд Оррери, «если бы кто-то захотел доказать, что они встречаются наедине, без третьих лиц, сделать это было бы трудно»⁷⁵.

До поры до времени жизнь Декана собора Св. Патрика текла мирно, не выходя за рамки узкого круга друзей и посвященных, но в 1720 году Свифт напечатал памфлет, в котором посоветовал ирландцам, как лучше им распорядиться своей мануфактурой и, следовательно, как ее усовершенствовать⁷⁶. Кажется, что может быть более естественным для человека, чем право распоряжаться плодами рук своих или привязанность к тому, что он собственноручно произвел на свет божий? Однако так не думали те, чьи интересы были связаны с английской торговлей: самая мысль о таком праве, самое напоминание о подобной привязанности представлялись им настолько преступными, что печатника памфлета взяли под стражу; возмущенная этим беззаконием, как справедливо замечает Хоксворт, публика обратила внимание на предложение памфлетиста, и вскоре имя автора было у всех на устах.

В 1723 году умерла миссис Ваномри — история этой бедной женщины, на свое несчастье боготворившей ум и ославившей себя именем *Ванесса*, слишком хорошо известна, чтобы повторять ее в подробностях⁷⁷.

75 Неточная цитата из: *Boyle John (Orrery). Remarks on the Life and Writings of Dr. Jonathan Swift. L., 1752. P. 25.*

76 Имеется в виду «Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры» (*Proposal for the Universal Use of Irish Manufacture, 1720*).

77 Ваномри Эстер (*Esther or Hester Vanhomrigh, 1688–1723*) познакомилась со Свифтом в Лондоне около 1707–1708 гг. и последовала за ним в Ирландию в 1714 г. Здесь и ниже курсив С. Джонсона.

Молодая женщина увлекалась литературой, а ее наставником и ментором на литературном поприще был *Decanus*, Декан, или по-другому (если переставить буквы) *Cadenus*; и в какой-то момент, разгоряченная похвалами учителя, она вспылала к нему нежными чувствами. Свифту тогда было примерно сорок семь — в этом возрасте мужское тщеславие особенно падко на амурную благосклонность барышень. Если кто-то скажет, что Свифту не следовало бы поощрять страсть, раз он не собирался отвечать на нее взаимностью, то хорошо бы вспомнить столь ненавистную Свифту сентенцию: «мужчины есть мужчины». Впрочем, возможно, вначале он просто не придавал этому значения и, как он сам пишет, оставался в неведении. После его женитьбы на Стелле единственным честным оправданием его снисходительного и обнадеживающего отношения к ухаживаниям этой барышни могло быть его подспудное желание отложить объяснение до последнего из боязни причинить ей боль. Она же решила, что ею пренебрегли, и от горя зачахла; но перед смертью она распорядилась об опубликовании стихотворения, в котором *Cadenus* клялся ей в любви и пел панегирик ее совершенству⁷⁸. О том, какой эффект произвела эта публикация на Декана и Стеллу, можно судить по рассказу Делани:

«С большой долей уверенности полагаю, что они оба (хотя и по-разному) были потрясены и огорчены произошедшим. Декан на два месяца уехал на юг Ирландии, пытаясь развеяться и избежать кривотолков, а Стелла приняла приглашение их общего знакомого, человека общительного и радужного, ею чрезвычайно уважаемого и ценимого, и переехала на какое-то время в его дом. Там-то и встретил ее мой информатор, от которого я знаю наверняка, что во время частых визитов в тот гостеприимный дом он всякий раз старался поддержать и отвлечь ее от горьких мыслей.

Один его рассказ особенно врезался мне в память. Я уже рассказывал о том, что ее знакомый был человеком на редкость гостеприимным, компанейским, с обширными связями, и однажды случилось так, что к обеду пожаловали господа, непосвященные в историю Стеллы; а поскольку тогда все только и обсуждали стихотворение «Каденус и Ванесса», то неудивительно, что в какой-то момент один из гостей заметил: “Необыкновенная особа, эта

78 Речь о стихотворении Свифта «Каденус и Ванесса» (*Cadenus and Vanessa*), написанном в 1713 г.

Ванесса, раз вдохновила Декана на такие прекрасные стихи!” Миссис Джонсон только улыбнулась в ответ и сказала, что “по ее мнению, это еще нужно доказать, ведь всем известно, что Декан и метлу может воспеть в стихах”»⁷⁹.

В 1724 году репутация Свифта сильно поднялась благодаря «Письмам Суконщика»⁸⁰. Дело было так: некто Вуд из Вулвергемптона, что в Стэффордшире, известный свой предприимчивостью и большими аппетитами, сделал подношение герцогине Мюнстера⁸¹ и получил за это патент на чеканку ста восьмидесяти тысяч фунтов полупенсовиками и фартингами для королевства Ирландии, где наблюдался крайне опасный и острый дефицит медной монеты, — дефицит этот делал потенциальным должником всякого человека, отпустившего другому товар в кредит: сами посудите, разве может не обслужить кухарка или владелец питейного заведения клиента, у которого в кармане серебро? И разве оставит такой клиент свои деньги, если у хозяина нет сдачи?

Поэтому проект был более чем вероятен. Благодаря агентам, собравшим по всей стране старые полупенсовики и тем самым изъывшим их из обращения, Вуд постарался увеличить и без того огромный дефицит мелких денег, и он уже был в шаге от победы, предвкушая, как прольет над Ирландией свой медный дождь свежеотчеканенной монеты и тот на его глазах обратится в дождь золотой, да не тут-то было. Обнаружив, что металл в значительной степени обесценен, Свифт, скрывшись под именем «М.Б., Суконщик», написал «Письма», где раскрыл возможные гибельные последствия обмена золота и серебра на медь, чья цена не доходила и до трети ее номинальной стоимости.

Страна забурилась, люди повсеместно отказывались принимать новые деньги; однако ирландские власти расценивали подобные демарши против королевского патента как действия преступные, и некто Уитшед⁸², в то время занимавший должность Верховного Судьи, известный тем, что именно он руководил процессом по делу печатника, издавшего предыдущий памфлет, что именно он девять раз распускал Присяжных, пока их не

79 Джонсон цитирует отрывок из эссе П. Делани: *Delany Patrick. Observations upon Lord Orrery's Remarks on the Life and Writings of Dr. Jonathan Swift. L., 1755. P. 57–58.*

80 Речь о «Письмах Суконщика к ирландскому народу» (*The Drapier's Letters to the People of Ireland, 1724*).

81 Герцогиня Мюнстера (1667–1743), любовница короля Георга I.

82 Уитшед Уильям (William Whitshed, ок. 1656–1727), лорд-судья, глава королевского суда Ирландии.

принудили посредством угроз и под страхом скандала огласить особый вердикт, теперь затеял разбирательство по делу вышеозначенного Суконщика, но не смог добиться от Коллегии Присяжных нужной статьи обвинения.

Тогда лорд Картерет⁸³, вкупе с Тайным Советом, издал постановление, в котором за раскрытие личности автора «Четвертого Письма» было обещано триста фунтов. В своих сношениях с печатниками Свифт сохранял инкогнито, доверяя только своему дворецкому, которому и продиктовал памфлет. Тот же, сразу по обнародовании постановления, исчез и почти сутки не появлялся дома, заронив у хозяина вполне резонное подозрение в предательстве; поэтому, когда он вернулся, Декан потребовал, чтобы тот сложил с себя полномочия и уходил восвояси, «ибо я прекрасно понимаю», сказал он, «что моя жизнь в твоих руках, и я не намерен из страха терпеть твою наглость или небрежение». Дворецкий покаянно божился, что не виноват, и умолял хозяина не гнать, а запереть его в доме, пока не улягутся страсти и сохраняется хоть малейшая вероятность нежелательного развития событий, но Свифт был неумолим: выгнал слугу и думать о нем забыл; но когда объявленный срок поимки истек, он принял его обратно. Спустя какое-то время он собрал ни о чем не догадывавшуюся прислугу и объявил, что за безупречное поведение он дарует дворецкому Роберту место церковного служки в соборе Св. Патрика с годовым доходом от тридцати до сорока фунтов и просит отныне величать его не иначе как мистером Блэрни; впрочем, тот еще несколько лет продолжал служить у него дворецким.

С тех пор за Свифтом закрепилось имя «Декана». Ирландский народ почитал его за своего героя, благодетеля и защитника, авторитет его был столь высок, что никто из людей равного с ним статуса или богатства о подобном и мечтать не мог.

С того памятного года повелось, что торговцы взирали на него, как на оракула, а для черни он стал кумиром, поэтому все те, кто хотел задобрить торговый люд или добиться благоволения народа, заискивали перед ним и боялись его, как огня. Суконщик стал символом, добрым знаком; куда ни глянь, в какую сторону ни обрати слух, везде были налицо знаки народной благодарности Суконщику.

83 Картерет Джон (John Carteret, 1690–1763), английский наместник в Ирландии в 1724 г.

И, скажем прямо, было за что: чего стоило одно спасение Ирландии от кабальнейшего и хищнического вторжения! И так во всем: если дело касалось общественного интереса, он выступал его рьяным поборником, всякий раз упрочивая в глазах народа завоеванный авторитет. Он даже не гнушался некоторым бахвальством: когда Лорд-судья архиепископ Болтер обвинил его в подстрекательстве людей при попытках отрегулировать хождение в стране монет, Свифт бросил: «Да стоило мне только поднять палец, и они разорвали бы вас на куски!»

Однако вскоре упоение славой омрачила личная трагедия: как раз в год торжества Суконщика обнаружили первые признаки нездоровья у миссис Джонсон, его незаменимой собеседницы, его целительницы, и за два года она так исчахла, что никаких надежд на выздоровление не осталось.

Свифт в то время был в Англии, собирался по приглашению лорда Болингброка отправиться на зиму во Францию, но, получив тревожное известие, бросился не мешкая назад, в Ирландию, чем, вероятно, спас несчастную, во всяком случае, помог ей оправиться на какое-то время от болезни.

Видимо, решив, что все обошлось, он вернулся (в 1727 году) в Англию; там вместе с Поупом он подготовил к публикации три тома «Пестрой смеси», снабженные жалобно-извинительным Предисловием Поупа⁸⁴.

В том же знаменательном году свет увидели «Путешествия Гулливера», встреченные публикой со смешанным чувством забавы и замешательства: столь новым и необычным казалось это сочинение. Читатели проглотили его с таким жадным любопытством, что цена первого издания подскочила еще до того, как вышло второе; книгу читали богачи и бедняки, ученые и недоросли. Критики набрали в рот воды от изумления, не зная, как судить о книге, написанной с вызывающим неправдоподобием и в нарушение всяческих правил: тут всякое разумение бессильно. Но, когда стали разбираться, выяснилось, что наименьшее удовольствие читателям доставила та часть, где описывается Летающий Остров, а самой омерзительной признали историю Гуингнммов.

⁸⁴ В трехтомное издание «Пестрой смеси в прозе и стихах» (*Miscellanies in Prose and Verse, 1727–1732*) вошло больше сочинений Свифта, чем Поупа.

Свифт упивался успехом своей новой книги, а тем временем подросло известие о кончине Короля⁸⁵, и уже через три дня после восшествия на трон новых Короля и Королевы⁸⁶ он целовал им руки.

Свифт был отмечен вниманием Королевы еще в бытность ее Принцессой, и теперь ее Высочество оказала ему достойный прием; но то ли Королева заронила в нем надежды, которым не суждено было исполниться, то ли у него родились ожидания, о которых она не подозревала, в его отношении к ней установилась настороженность, обострившаяся после того, как она, пообещав прислать ему какие-то медали, слово свое не сдержала.

Не знаю, возможно, и у нее были к нему какие-то претензии. Взять ту же историю с письмом, в котором Королеву весьма настойчиво просили оказать покровительство одной даровитой ирландке, миссис Барбер, пытавшейся организовать подписку на издание своих стихов. Автором письма значился Свифт, и по оборотам речи и эмоциональной окраске то был явно его опус; однако чужой почерк и некоторые несообразности вызывали сомнения. Когда вокруг этого письма поднялся шум и Свифта призвали к ответу, он, указав на имевшие место несообразности, заявил о беспочвенности обвинений, однако их не отмел: лавируя между правдой и вымыслом, он красноречиво умалчивал о главном.

По-видимому, он был не прочь возобновить карьеру придворного и потому старался заручиться благорасположением миссис Хоуард⁸⁷, памятуя о том, как поступала в прежние времена миссис Мэшем⁸⁸, только его лесть острослова не возымела никакого толка: либо у дамы было маловато власти, либо поэтическое бессмертие ее не интересовало.

Вскоре у него случился приступ головокружения; из дома пришли тревожные вести о нездоровье миссис Джонсон. Тогда он без всяких объяснений, спешно покинул Поупа, у которого гостил, написав ему с дороги из Честера, что «двум больным друзьям под одной крышей не ужиться»⁸⁹.

85 Король Георг I умер в дороге по пути в Ганновер 11 июня 1727 г.

86 Король Георг II и королева Каролина.

87 Хоуард, Генриетта (Henrietta Howard, ок. 1688–1767), любовница Георга II, она же графиня Саффолк.

88 Мэшем (Машам) Эбигейл (Abigail Masham, ок. 1670–1734), фрейлина королевы Анны, часто упоминаемая в «Дневнике для Стеллы» Свифта.

89 Джонсон цитирует письмо Свифта Поупу от 12 октября 1727 г.

Дома его ждало горе: бедняжка Стелла стояла одной ногой в могиле, тая на глазах, и через два месяца, 28 января 1728 года ее не стало; ей было сорок четыре года. Судя по его записям, ради нее он был готов на все, лишь бы она жила; без сомнений, ему внушала ужас мысль о смерти той, кого он больше всего на свете любил и чей конец он сам невольно ускорил⁹⁰.

Несчастная Стелла пала жертвой двух желаннейших женских достоинств, красоты и обаяния. Как пишет Делани, она на свою беду полюбила человека, обожавшего все неординарное и возжелавшего для себя такого счастья, которое было бы непохоже на обычные ожидания людей и на то, что диктует Провидение. Когда она поселилась в Ирландии, он, видимо, решил, что она навсегда останется в его власти, и потому сделал все, чтобы помешать намечавшемуся вполне выгодному браку, чиня мелочные препятствия и предъявляя заведомо невыполнимые требования⁹¹. Он не был спокоен за свою собственность, пока она была предоставлена сама себе: на их пути могли встать чьи-то неприязнь, честолюбие или чей-то каприз; чтобы «закрепить уверенность»⁹² и получить Стеллу в полное обладание, и был придуман тайный брак со всеми вытекающими радостями совершенной дружбы, но не отягощенный супружеским долгом. Однако бедную Стеллу такое положение не устраивало: за замужнюю женщину ее никто не признавал, а в глазах света она была кем-то вроде содержанки. Долгое время она слепо надеялась, что он обнародует их брак и объявит ее своей, но это время все не наступало, он переменялся, рассудок его померк, и когда, наконец, он предложил признать ее своей законной супругой, она отказалась: «слишком поздно». Еще несколько лет она изводила себя горькими раздумьями, а потом умерла, зачавнув во власти человека, безмерно любившего и почтившего ее.

Любопытствующих, конечно, интересует, чем она сумела так приворовать Свифта, что он пограл даже основные законы, лишь бы ее удер-

90 Джонсон ссылается на «Молитвы за больную во время ее недомогания» (Prayers for a Sick Person during Her Illness) (17 октября и 6 ноября 1727 г.) и «На смерть миссис Джонсон» (On the Death of Mrs Johnson) (28 января 1728 г.).

91 Известно письмо Свифта сватавшемуся к Стелле Уильяму Тисдаллу (Тисдаллу) (William Tisdall, 1669–1735) от апреля 1704 г., в котором Свифт пишет о невозможности их брака.

92 Джонсон цитирует из «Макбета», действие IV, сцена I. Ср. в оригинале: «assurance double sure» и в переводе Ю. Корнеева: «для уверенности вящей» (цит. по: Шекспир Уильям. Макбет // У. Шекспир. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. VII. С. 67).

жать? Ответить на этот вопрос непросто. Свифт — влюбленный, и его свидетельства сомнительны. Что принадлежит до Делани и ирландцев, то они на все смотрели глазами Свифта, и поэтому от них тоже мало проку. Судя по восторженной влюбленности Свифта, очень может статься, что она хоть и была редкостной праведницей, красавицей и натурой в высшей степени утонченной, только начитанности ей явно не хватало, раз она на родном языке писала с ошибками; а что касается ее хваленого остроумия, то среди метких фраз, записанных с ее слов самим Свифтом, настоящих перлов нет⁹³.

Читатель «Письма к Даме по поводу ее Замужества» вправе усомниться, стоит ли принимать на веру суждение Свифта о женском совершенстве⁹⁴; ибо если его общие наблюдения о женщинах таковы, как он их излагает, то женщине не надо было быть семи пядей во лбу или образцом добродетели, чтобы привести его в восторг: он легко поддавался очарованию. Так что превосходство Стеллы было, пожалуй, местного свойства: победительницей ее делало мелкое окружение.

В недавно опубликованных заметках о жизни Свифта его женитьба названа маловероятной, чуть ли не небылицей, но, увы, это не так: как рассказал мне доктор Мэдден, эту печальную историю бедняжка Стелла поведала перед смертью соборовавшему ее доктору Шеридану, и у Делани о том сказано сочувственно как о несомненном факте. Свифт не мог вспоминать о Стелле без вздоха.

Остаток дней он провел в Ирландии, с которой так и не примирился, ни под гнетом почти деспотической власти, ни прикормленный пряником почти слепого обожания. Время от времени он изъявлял желание посетить Англию, но всегда откладывал поездку по какой-то причине. На склоне лет он писал Поупу, что надеется увидеться с ним еще раз, «но если не доведется, то расстанемся, как все смертные»⁹⁵.

После смерти Стеллы он очерствел, сделался нетерпимым; мог выгнать приятеля из-за стола, а потом удивлялся, почему его все покинули. Но интерес к публичным делам не утратил, разражаясь время от времени

93 Вероятно, Джонсон имеет в виду сочинение Свифта «Bon Mots de Stella».

94 Джонсон ссылается на стихотворение Свифта «Письмо к молодой даме по поводу ее замужества» (Letter to a Young Lady on Her Marriage, 1723).

95 Джонсон цитирует письмо Свифта Поупу от 12 октября 1727 г.

директивами, порицаниями, критикой, каковых, по его мнению, требовала острота момента, и перо его скрипело не напрасно.

В коротком стихотворении о Пресвитерианах, которых он на дух не переносил, он нелестно отозвался о законнике Беттсуорте⁹⁶, опорочившем себя наглым отношением к священникам, и тот в одночасье потерял свою немаленькую репутацию, сделавшись объектом всеобщего презрения. Разъяренный, опозоренный Беттсуорт явился к Свифту с требованием сказать, не он ли автор стихотворения.

«Мистер Беттсуорт», отвечивал Свифт, «в молодости я был знаком со светилами закона, и они, зная мою склонность к сатире, дали мне один совет на тот случай, если ко мне явится какой-нибудь негодяй или тупица из тех, кого я продернул, и пристанет с вопросом “Это вы — автор того пасквиля?”: сказать, нет, не я. Так что мой ответ, мистер Беттсуорт, нет, вы ошиблись адресом»⁹⁷.

Беттсуорта такой ответ не устроил, он продолжал публично требовать сатисфакции в виде телесного наказания, но на защиту Декана встало все население прихода Св. Патрика. Выступая в Парламенте, Беттсуорт заявил, что Свифт лишил его годового дохода в тысячу двести фунтов.

Потом молва разнесла слух о еще одном благодеянии Свифта. Он отложил несколько сотен фунтов для того, чтобы ссужать беднякам небольшие суммы от пяти шиллингов, по-моему, до пяти фунтов. Ссуда была беспроцентной, единственное условие — при возврате денег добавлять небольшую мзду казначею; и, главное, Свифт требовал возвращения денег точно в обещанный срок. Однако срок часто сдвигался, заем не отдавали: строгий педантизм — плохой советчик при расчетах с беднотой. Все это, казалось, можно было легко предвидеть, но Свифт не шел ни на какие уступки: вместо этого он постановил взыскивать долги через суд. Строгость и без того не красит кредитора, что уж тут говорить о человеке, который под видом благотворителя натравливает судебных приставов? Шум поднялся страшный, возмущение народа не знало предела, и ему пришлось отказаться от своей затеи, признав, что он совершил глупость, ожидая пунктуальности от бедняков.

96 Беттсуорт Ричард (Richard Bettesworth, ок. 1689–1741), член ирландского парламента, имевший высший судейский чин. Свифт высмеял Беттсуорта в стихотворении «О словах — братья протестанты и братья христиане» (On the Words — Brother Protestants, and Fellow Christians, 1733).

97 Точный источник цитаты неизвестен.

Проклятием его жизни стала пустота, на которую он сам себя обрек из-за разьедавшего его недовольства, а оно только обострялось с ненавистным ему одиночеством. Нельзя сказать, что он был всеми брошен: в доме у него бывали и ученые мужи, и светские дамы; он пописывал стихи и прозу, охотно раздавал списки своих виршей и, по-видимому, был совсем не прочь увидеть их в печати. Его излюбленный девиз — «Vive la bagatelle!»⁹⁸ Он считал безделки неотъемлемой частью жизни, возможно, и неотъемлемой частью самого себя. Праздность была не по нем, а недуги поневоле заставляли его быть праздным, не давая подолгу писать или сидеть за книгами. С возрастом привычка баловать себя усиливается, а у него был свой резон прельщаться мелкими забавами: в любом деле он жаждал аплодисментов, и его ими сторицей награждали искренние поклонники, ибо сомневаться в его превосходстве не приходится. Тот, кому много льстят, и сам быстро учится льстить: нас обычно приучают к порядку, пугая или стыдя, а как можно воздействовать страхом или стыдом на человека, если он не слышит ничего, кроме похвал в свой адрес?

С годами у него участились приступы головокружения и внезапной потери слуха, усилившаяся глухота сказала на беседе; к тому же приступы становились все тяжелее, пока, наконец, его не прихватило так, что он более и не помышлял ни о каком умственном или физическом напряжении: случилось это с ним в 1736 году, во время работы над поэмой «Клуб Легиона»⁹⁹.

Он всегда считал свои деньги и щедрых застолий не любил, но, экономя на мясе, не мог отказать себе в вине. Когда к нему в гости заходили друзья, рассчитывая у него отобедать, он по своему обыкновению давал каждому из гостей, независимо от пола, по шиллингу, предлагая сделать заказ на свой вкус. В конце концов, жаба задушила в нем чувство гостеприимства: ему стало жалко бутылки вина для гостей, а в Ирландии, как известно, люди в гости не ходят, если в доме нет выпивки.

Оказавшись отлученным от бесед с друзьями, забросив занятия, он остался без дела и без потехи; решив когда-то давно на свою голову (а может быть, поддавшись какой-то безумной затее) ни при каких условиях не

98 «Да здравствуют безделки!» (фр.) Джонсон дал следующее определение французского слова «bagatelle»: пустячок, безделка (a trifle, a thing of no importance). Ср. у Стерна в «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии»: «Да здравствуют интрижки!» Цит. в переводе А. Франковского: *Стерн Л. Сентиментальное путешествие...* СПб., 2006. С. 146.

99 «The Legion Club» (1736) — сатира Свифта на ирландский парламент.

носить очков, он на старости лет лишился и чтения; в итоге он закоснел в своих идеях, годами не оттачиваемых в спорах, не освежаемых с книгами, и забил себе голову житейскими заботами, доведя себя до сумасшествия¹⁰⁰.

Впрочем, одну книгу он все же опубликовал в 1738 году: то был его ранний опус «Учтивая Беседа»¹⁰¹, а затем уже посмертно напечатали его «Наставления Слугам»¹⁰². Судя по двум этим выступлениям, Свифт по своему обыкновению подмечал все, что наблюдал, ибо собрать такое количество подробностей по памяти ему, конечно, было не под силу.

Он делался все более буйным, слабея рассудком, пока, наконец, в 1741 году не было решено установить над ним и его собственностью опеку. Он уже почти никого не узнавал, попеременно впадая то в помешательство, то в слабоумие. Дольше других он привечал миссис Уайтви¹⁰³, но вскоре и ее черты стерлись у него из памяти. За обедом ему подавали мясо разрезанным на кусочки, но, пока в столовой находилась прислуга, он к нему не притрагивался; только спустя час брал в руки тарелку и съедал мясо, шагая по комнате: такова была сила старой привычки находиться на ногах по десять часов в день.

На следующий год (в 1742-м) у него воспалился левый глаз, образовался фурункул размером с яйцо, по телу пошли нарывы; от боли он потерял сон и чудом себя не покалечил: пять человек насилу его удерживали, чтобы он не вырвал себе глаз.

В конце концов опухоль спала, к нему ненадолго вернулся рассудок: он стал узнавать врача, домочадцев, вновь поселив в них надежду на выздоровление; но затем через несколько дней снова впал в заторможенное

100 В «Жизнеописании Янга» (традиционное написание — Юнг) есть пророческое воспоминание о Свифте. «Рассказывая о Свифте, Янг пишет: "Помню, прогуливались мы как-то всей компанией в окрестностях Дублина, и вдруг он остановился как вкопанный; все как ни в чем не бывало пошли дальше, но мне стало не по себе, я вернулся и вижу: он стоит как столб, на том же месте и, задрав голову, смотрит не отрываясь на величественный вяз с почерневшей засохшей кроной. Показал рукой и говорит: "Вот так и я — с головы сгнию"». Цит. в переводе по: *Johnson Samuel. Young // Samuel Johnson The Lives of the most eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. In IV vols. L., MDCCCLXXXI. Vol. IV. P. 374–375.*

101 Свифт писал «Учтивную беседу» (Polite Conversation) в 1730–1735 гг., опубликовав ее в 1738 г. в Дублине.

102 «Наставления слугам» (Directions to Servants) Свифт начал писать в 1704 г., переработал в 1730–1738 гг.; опубликованы посмертно в 1745 г.

103 Уайтви Марта (Martha Whiteway, 1690–1768), овдовевшая кузина Свифта.

состояние, слег, стал ко всему безучастным и как будто лишился дара речи. Только спустя год полной немоты он, по рассказам, в ответ на слова своего управляющего о том, что в доме готовятся отпраздновать его день рождения, устроив 30 ноября фейерверки и иллюминацию, сказал: «Глупости это все, пустое!»

После того случая, если верить воспоминаниям, он еще несколько раз ронял что-то, не лишённое смысла, но потом наступило полное молчание, и продолжалось оно до самой его кончины в октябре 1744 года: он тихо отошел на семьдесят восьмом году жизни.

СУДИТЬ о Свифте как об авторе будет справедливым лишь тогда, когда его сила будет меряться воздействием, какое она возымела. Во время правления королевы Анны Свифт повернул вспять общественное настроение, бывшее в пользу Вигов, и какое-то время именно его политические мнения задавали в Англии тон: не признавать этого нельзя. При следующем правлении он избавил Ирландию от поборов и угнетения, показав, что ум, вкупе с правдой, обладает мощью, перед которой власти бессильны. Он не преувеличивал, говоря, что Ирландия — «его должница»¹⁰⁴. Именно с той поры, когда он взял ирландцев под свое крыло, они и ведут отсчет своему богатству и преуспеванию. Он первым научил их во всем иметь свой собственный интерес, знать себе цену и не уступать, и это он вдохнул в них чувство равенства с остальным человечеством, которое с тех пор не дает им покоя, обязывая требовать для себя прав и добиваться справедливости. И их нельзя упрекнуть в неблагодарности своему благодетелю, ибо они всегда почитали его за своего хранителя и внимали ему, как владыке.

Что принадлежит до его сочинений, то они совсем иные по темпераменту и манере выражения. Чужой среди его книг выглядит «Сказка Бочки»: больше он никогда не писал с таким неистовством, с таким неистощимым воображением, с такой быстротой мысли, таким живым языком, как тогда. «Сказка Бочки» столь уникальна и своеобразна, что ее следует рассматривать саму по себе: то, что верно по отношению к ней, не будет таковым по отношению ни к какому другому его произведению.

¹⁰⁴ Джонсон перефразирует строчку из «Стихов на смерть доктора Свифта» (Verses on the Death of Dr. Swift): «Королевство свое он оставил должником» (The Kingdom he hath left his Debtor).

Остальные его работы написаны ровно, легким слогом, напоминающим больше мелкий ручеек, нежели полноводное течение. Его коньком была простота. Те, кто говорит, что у него в сочинениях нет метафор, ошибаются, они у него есть; но употребляет он их не со вкусом, а по необходимости. Он — пурист, и, хотя у него, возможно, попадаются обороты не совсем точные, все же солецизмами он не грешит, и любой, кто ссылается на его суждение, может в нем не сомневаться. Фразу он строит без «воды», но и не слишком сжато, легко избегая каких-то неловких оборотов в сложных грамматических периодах, не нарушая логических связей и сохраняя плавность переходов.

Стиль его сообразен его мысли, которой всегда были чужды subtilность, украшательство, блеск кончетто, выпренность, риторические фигуры или завихрения учености. К страстям он холоден, удивлять или изумлять публику не привык, главное для него — понимать самого себя и быть понятным читателю: чтение Свифта не требует обширных предварительных знаний, достаточно, если у читателя есть обыкновенный словесный багаж и житейский опыт; ему не придется штурмовать вершины или обследовать глубины, — путь его пролегает по равнине, под ногами у него всегда твердая почва, без обрывов и препятствий.

Свифт всегда добивался того, чтобы мысль передавалась понятным и надежным способом, и то, что ему это удалось, достойно всяческих похвал, хотя, пожалуй, и не самых пышных. Такая манера хороша для дидактических целей, когда требуется объяснить что-то неизвестное, но там, где нужно пробудить угаснувший было интерес к истинам известным, она оказывается бесполезной; она учит, но не убеждает.

Как политик он сформировался в кругу Вигов, но когда те отошли от своих принципов, он от них отмежевался, не впад при этом в противоположную крайность; в течение всей жизни он держался одной линии поведения, которую определял как склад мысли «Прихожанина Англиканской Церкви»¹⁰⁵: в государственной политике быть заодно с Вигами, а в религии — с Тори.

Для священника он был в меру честолюбив: радел за преумножение благ священнослужителей и споспешествовал их почитанию; с раскольни-

105 Это определение — часть заглавия сочинения Свифта «Переживания прихожанина англиканской церкви» (Sentiments of a Church of England Man, 1711).

ками старался держаться границ терпимости, но их нападкам всегда давал отпор.

Свои обязанности Декана он исполнял самым ревностным образом. Церковными доходами распоряжался рачительно: по словам Делани, при нем на поновление и ремонт Собора денег ушло больше, чем за все время с момента его возведения¹⁰⁶. Особенно он пестовал церковный хор, и, хотя музыку не любил и не понимал, при нем в хор отбирали только лучших певцов с отменными рекомендациями.

Он возобновил в своем храме практику еженедельных причастий и сам, собственноручно раздавал святыне дары, отправляя ритуал торжественным и трепетным образом. Каждое утро он шел в церковь, молился наравне с прихожанами, а вечером посещал литургию, дабы убедиться в подобающем ее исполнении.

Проповеди он читал «звучно, проникновенно, без изысков; голос у него был резкий, высокого тембра, совсем не мелодичный».

Он принял духовный сан в надежде стать выдающимся проповедником, а оказалось, как он позднее сетовал, что, ввязавшись в политические дебаты, «ему не оставалось ничего другого, как проповедовать памфлеты»¹⁰⁷. Неоправданно суровая самокритика, не подтверждаемая его опубликованными проповедями!

Подозрения же его в безбожии во многом проистекали из его отвращения к лицемерию: не желая казаться лучше, он делал вид, будто он хуже, чем есть на самом деле. В Лондоне он, избегая посторонних глаз, всегда ходил к заутрене; в доме у себя собирал слуг на утреннюю молитву с такими хитроумными предосторожностями, что гостивший у него доктор Делани узнал об этом только спустя полгода. Мало того что Свифт старался не афишировать свои добрые дела, так он еще был не прочь поддержать молву о дурных поступках, которые не совершал. Он позабыл, что когда-то сам говорил: лицемерие — меньшее зло, чем неприкрытое кощунство. Доктор Делани, при всем его стремлении выставить Свифта в выгодном свете, и то неодобительно отзывался об этой черте его характера.

106 Готический собор Св. Патрика в Дублине, самый грандиозный храм в Ирландии, строился с 1191 по 1270 гг.

107 Здесь Джонсон, видимо, цитирует Делани: *Delany Patrick. Observations upon Lord Orrery's Remarks on the Life and Writings of Dr. Jonathan Swift. L., 1755. P. 42.*

Внешне Свифт не отличался особенной привлекательностью. Его портил землистый цвет лица, от которого он никак не мог избавиться, хотя умывался, как восточный чистюля. Смотрел на все сурово, с кислой усмешкой, и это выражение редко сменялось подобием улыбки: смех был не по нем.

Домочадцам он спуска не давал, и уживаться с таким хозяином было, наверное, крайне трудно: решительный нрав в соединении с мелочной подозрительностью, которая читается в его сочинениях, делали его человеком тяжелым в общении. Положение не спасала и его привычка по большим праздникам дарить прислуге подарки: награда — разовая вещь, а хозяйское глумление величина постоянная. Он и чужих слуг не жаловал. Как-то однажды за обедом у графа Оррери он в присутствии подававшего им слуги сказал: «Этот человек за время обеда успел пятнадцать раз ошибиться». В чем именно ошибся слуга, лорд Оррери, от которого я слышал эту историю, не счел нужным уточнить у своего гостя. Кстати, я мог ошибиться цифрой.

В хозяйстве у него царила своеобразная, ничем не прикрытая и не оправданная, удручающая скарденность. Начав однажды откладывать по необходимости, он так втянулся в это дело, что поначалу казавшаяся забавой привычка постепенно превратилась в неприятнейшую обузу. Впрочем, он никогда не позволял скупости, даже если она напоминала аскезу, взять верх над его добродетелью. Будучи по натуре аскетом, в принципиальных вопросах он поступал щедро; и если вспомнить, для чего предназначались его маленькие сбережения, как он распределял мелкие суммы среди бедняков, то окажется, что он просто предпочитал один способ тратить деньги всем остальным и копил лишь для того, чтобы ему было что раздать. Он не разбогател в ущерб своим преемникам, — наоборот, он преумножил ценность и Ларакора, и настоятельских покоев.

Что бы ни говорили о его скупости или щедрости, следует помнить, что он не был богачом. Его приход приносил ему немногим больше семисот фунтов в год.

Никакой сердечности или светскости в его меценатстве не было в помине: он выручал, помогал без тени сочувствия или доброты, так что благодетельствованные им едва ли его за это любили.

Он взял за правило давать за один раз не более одной монеты, поэтому карман у него всегда был набит монетами разного достоинства.

За что бы он ни брался, он все делал по-своему, не принимая в расчет то обстоятельство, что исключительность, уже подразумевающая некоторое презрение к общепринятым конвенциям, суть своего рода вызов, который резонно вызывает у окружающих отпор; вот отчего, собственно, тот, кто ведет себя не так, как другие, оказывается хуже прочих, даже будь он на голову выше остальных.

О его нраве можно судить по рассказу Поупа:

«Незнакомцы принимают странную, резкую манеру доктора Свифта за неприязнь. В действительности это не так, но без примера этого не объяснить. Вот первый, что приходит в голову. Как-то вечером мы с Геом пошли его проведать: вы же знаете, какие мы все закадычные друзья. Только вошли, слышим: “Ба, господа! (это Свифт) Какими судьбами? Как?! Вы оставили компанию лордов, от которых вы без ума, и пришли навестить бедолагу Декана?” — “Да, ваше общество нам приятней любого другого”. — “Так я вам и поверил, даже не рассчитывайте. Но раз вы здесь, полагаю, вам нужно заказать обед”. — “Нет, преподобный, мы уже отобедали”. — “Отобедали?! Как, когда?! Еще восьми нет. Право, все это очень странно; но если все-таки желаете, я вмиг распоряжусь. — Пойдите-ка, что же нам заказать? Парочка лобстеров будет очень кстати, это два шиллинга; два пирога с фруктовой начинкой — это еще один шиллинг; ну и, конечно, вы не откажетесь выпить со мной по бокалу вина? пусть даже вы, не желая вводить старого приятеля в расход, и пообедали плотно раньше обычного”. — Но мы не хотим выпивать, мы просто зашли поговорить с вами. — “Нет уж, позвольте! если вы у меня обедаете, значит, и выпиваете. — Итак, бутылка вина, еще два шиллинга, дважды два четыре, плюс один, всего пять: ровно по двадцать шесть на каждого. Вот, Поуп, держите, это Ваши полкроны, а это Ваши, сэр; мне для друзей ничего не жалко, так и знайте”. — Все это он отчеканил, как только он один умеет, не дрогнув ни единым мускулом лица, и по сути заставил нас принять деньги, не дав нам вставить ни слова»¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Рассказ Поупа, относящийся к 1730 г., заимствован у Спенса: *Spence Joseph. Observations, Anecdotes and Characters of Books and Men*, ed. James V. Osborn. 2 vols. Oxford, 1966. Vol. I. P. 53–54.

В повседневной жизни он не стеснялся давать волю капризам и отпустить едкие замечания, и его страшно обижало, когда кто-нибудь, не уловив его добродушных шуток или критического апломба, или незлобивых эскапад, встречал их в штыки или, того хуже, пытался оспорить. Он всегда был на две головы выше окружающих, и, если бы рядом случился соперник, по всем статьям его превосходящий, он такого соседства наверняка не потерпел бы. Что бы кто-то осмелился давать ему совет... — как выражается его приятель Делани, «для начала было бы неплохо осмелиться с ним заговорить!» Впрочем, в какой-то момент эта привычка задавать тон оказалась непосильной ношей, и Свифт, который всех и вся видел насквозь, проявил слабость к низкой лести.

О чем бы Свифт ни писал, он всегда берет свой привычный снисходительный тон, скорее поучая, чем воздействуя убеждением, ожидая, что этот безапелляционно-непререкаемый стиль будет воспринят как своего рода шутка. Однако он перестарался: своей наигранной категоричностью, которая только для противников звучала иронично, а для сторонников вполне серьезно, он явно польстил собственному самолюбию.

Рассказчик он был от бога и сам это про себя знал. Его завораживало почтительное молчание, с каким ему внимали слушатели, он по много раз рассказывал одну и ту же историю.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что он не только говорил, но и слушал: он взял за правило, проговорив минуту, делать паузу, предоставляя слово собеседнику. Во всем, что касается времени, он был педантичным компьютером (computer)¹⁰⁹ и знал, какое количество минут уходит на ту или другую операцию.

Резонно предположить, что в беседе, как и в письмах, он любил показать, что он на короткой ноге с Великими мира сего, что он причастен к тому мимолетному равноправию, которое возникает между людьми в отсутствие церемоний, традиционно отделяющих одно сословие от другого. Такое нарушение приличий среди его единомышленников называлось широтой души. Но мудрый человек не станет принимать подачки, зная, что их в любую минуту может отобрать законный владелец. Тот же, кто вторгается

¹⁰⁹ Здесь С. Джонсон использует слово «computer» (от лат. (com)putare — считать), которое появилось в английском языке в начале XVII в. и до конца XIX в. означало человека, умеющего превосходно делать расчеты в цифрах, оценивать объем, размер и т. д.

на чужую территорию, оказывается зависим от чужой воли: его или с позо-
ром прогоняют, или терпят из жалости и снисхождения.

Если судить по письмам, полагая их надежным источником, о том, каков был склад мысли Свифта, то он предстает человеком, не вызывающим любви или зависти. Такое впечатление, будто всю жизнь его неудовлетворенная гордыня бунтовала против прозябания и отсроченных надежд. Он то кидается в спор, то деликатничает, то встает в позу, то нападает; о себе он говорит исключительно с возмущением и скорбью, а о других — по-разному: когда весел, то с наглым апломбом, а когда уныл, то зло и ядовито. Из писем, которыми он обменивался с Поупом, можно заключить, что все четверо, включая Арбетнота и Гэя, воплощали собой все разумение и всю добродетель человечества, что их достоинства — это мировой светоч, и другого такого не будет. Век погряз в темноте, они одни противостоят мраку.

Если уныние, охватившее его после изгнания в Ирландию со смертью Королевы, еще можно понять: идеи отвергнуты, надежды растоптаны, веселая жизнь кончилась, важная должность и блестящие связи остались в прошлом; то все последующие сетования его на судьбу, поначалу вполне естественные, оправдать нельзя: они смехотворны, поскольку бесполезны; время и разум — лучшие доктора. Но было уже поздно: брюзжание вошло в привычку, чувства притупились. Слушая его постоянное нытье, Болингброк, как ему казалось, угадал настоящую причину и предложил Свифту бросить свой приход и получить новый в Англии, но получил отказ, зато у Свифта осталась возможность и дальше жаловаться на судьбу.

Самое трудное в анализе характера Свифта — это разобраться, из-за какого интеллектуального изъяна ему так нравилось копаться в идеях, противных уму любого другого человека. Одно дело — мысли об удовольствии, пусть даже запретном: они подстегивают воображение; а чем могут быть привлекательны для ума болезнь, увечье или грязь? Делани хочется думать, что изначально мысль Свифта была свободна от всей этой проказы и что виной всему его долгий визит к Поупу. Он не замечает, что таким предположением принижает своего героя, выставляя почти шестидесятилетнего мужа испорченным мальчиком, легко поддающимся дурному влиянию взрослого. Но дело-то в том, что Гулливер много раньше описал своих йэху и что придумавшего эти образы ничему дурному не учили.

Таково мое представление о характере Свифта, а теперь предоставим слово человеку, знавшему его лучше многих. Вот как о нем рассказывает лорду Оррери доктор Делани, вспоминая многолетнее знакомство:

«Сударь, если принять во внимание исключительный, своеобразный и всеяднейший склад Свифтова ума, чьи намерения всегда благородны, пусть они и не всегда столь же хороши в исполнении, ума проникновенного и благодатного даже в минуту брани; если принять во внимание суровое правдолюбие Свифта, твердость, с какой он противостоял угнетению и произволу властей; его верность узам дружбы, искреннюю любовь и безотказное служение религии, его принципиальность в принятии правильных решений и неукоснительное им следование; его радение о своей церкви, церковном хоре, приходском хозяйстве, о доходе; его желание указать на ошибки в чтении и стиле изложения каждому, читавшему проповедь с амвона его храма; как и его заботу о благосостоянии преемников, которое он старался преумножить, делая отчисления от собственных доходов в приходскую казну; если учесть несокрушимый патриотизм, с которым он относился к нелюбимой стране; его разнообразнейшие, разумные, взвешенные и многократные благодеяния в течение всей жизни, а также его последнюю волю передать все свое состояние (не говоря о состоянии его супруги) на христианские нужды — все эти пожертвования, чью сладость он никак не мог вкусить при жизни. Если принять во внимание его предложения, порой скептические, порой шуточные, порой серьезные, по укреплению истинной веры и добродетели; его успехи на поприще возвращения десятин и первинков в ведение ирландской церкви к превеликому ее благу; а также то обстоятельство, что это с его легкой руки (без преувеличения) в Лондоне построили пятьдесят новых церквей¹¹⁰.

Если обобщить все перечисленное, то Свифт по своему характеру кажется очень похожим на свои сочинения: их обоим надо внимательнейшим образом перечитывать и пересматривать, и всякое новое изучение обнаруживает новые красоты и достоинства.

¹¹⁰ Своим сочинением «Проект содействия преуспеянию религии» (Project for the Advancement of Religion, 1709) Свифт внес свою лепту в решение Парламента построить в Лондоне 50 новых церквей, которое было принято в 1711 г.

Исследовать их все равно что вглядываться в солнце, на котором хоть и есть пятна, но их не видно из-за яркого света; и чьи бы надменное невежество, гордыня, злоба, враждебность или зависть ни тщились затмить или очернить светило, я берусь утверждать, что затмение будет коротким.

Заключаю: никакой другой человек не послужил своему отечеству так, как это сделал Свифт. Он был ему верным, старательным, неsgiбаемым другом; мудрым, проницательным и преданным советчиком, многое в жизни претерпевшим: и суровые испытания, и подлые преследования, и угрозы его свободе и благополучию.

Он прожил благочестивую жизнь, умер благодетелем, и имя его в Ирландии будут чтить в веках»¹¹¹.

В ПОЭТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ доктора Свифта критику негде особо развернуться. Среди них много шутильвых, почти всегда забавных стихотворений, как водится, легких и живых. По большей части они таковы, какими их задумал автор: благозвучные, точные по рифме, без единого сбоя в размере. Редко когда попадется вымученное выражение или пустой эпитет: все его стихи воплощают его собственное определение хорошего стиля — «подобающие слова в подобающих им местах».

Подразделять это собрание на классы по признаку серьезности или пустяковости предмета значит повторять и так известное читателю и выскивать изъязыны, о которых автор, часто писавший не всерьез, а шулки ради, и сам прекрасно знал.

В предисловии к одному из ирландских изданий говорится как об установленном факте, что Свифт не позаимствовал ни одной идеи ни у древних, ни у новых писателей. Это не совсем так; но что действительно верно, так это то, что другого такого же скупого на заимствования сочинителя надо поискать и что, при всех способностях и недостатках Свифта, едва ли найдется кто-либо, столь же достойный именоваться истинным оригиналом.

111 Джонсон, ценивший в биографии личные знания биографа, завершает «Жизнеописание Свифта» цитатой из заключительной части книги П. Делани: *Delany Patrick. Observations upon Lord Orrery's Remarks on the Life and Writings of Dr. Jonathan Swift. L., 1755. P. 46–47.*

Список литературы

- 1 *Дружинин А.В.* Джонсон и Босвелль. Картина британских литературных нравов во второй половине XVIII столетия // Собрание сочинений А.В. Дружинина: в 8 т. (ред. изд. Н.В. Гербеля). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865–1867. Т. IV. С. 7–245.
- 2 [*Милтон Дж.*] Потерянный и возвращенный рай. Поэма Джона Мильтона. Со статьей о жизни и произведениях автора. Полный перевод с английского П.А. Каншина. С рисунками. СПб.: Изд-е книгопродавца В.И. Губинского, 1891. 605 с.
- 3 *Элиот Т.С.* О классике: из литературно-критического наследия / вступ. ст. А. Зверева; публ., пер. и коммент. Н. Бушмановой // Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 160–208.
- 4 *Яковенко В.И.* Д. Свифт. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1891. 112 с.
- 5 *Iser Wolfgang.* On Translatability: Variables of Interpretation // European Messenger. 1995. IV/1. P. 30–38.
- 6 *Johnson Samuel.* The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. By Samuel Johnson. In Four Volumes. L., MDCCLXXXI.

References

- 1 Druzhinin A.V. Johnson i Boswell. Kartina britanskikh literaturnikh nravov vo vtoroi polovine 18 stoletiya [Johnson and Boswell. The overview of the literary landscape of the second half of the 18th century]. *Sobranie sochineniy A.V. Druzhinina: v 8 t.* [Collected works of A.V. Druzhinin: in 8 vols.]. St. Petersburg, Tipografia imperatorskoi akademii nauk Publ., 1865–1867, vol. IV, p. 7–245. (In Russ.)
- 2 [Milton John.] *Poteriannyi i vozvrashchennyi rai. Poema Dzhona Miltona. So statiei o zhizni i proizvedeniakh avtora* [Paradise Lost and Paradise Regained. The Poems by John Milton]. Introduced and translated from the English by P.A. Kanshin. With drawings. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa V.I. Gubinskogo Publ., 1891. 605 p. (In Russ.)
- 3 Eliot T.S. O Klassike: iz literaturno-kriticheskogo naslediiia, vstupitel'naya statia A. Zvereva; publikatsiia, perevod i kommentarii N. Bushmanovoi [About the classic: from the literary-critical heritage. Introduction by A. Zverev, translated from the English, with notes by N. Bushmanova]. *Voprosy literatury*, 1988, issue 8, p. 160–208. (In Russ.)
- 4 Yakovenko V.I. *D.Swift. Ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'. Biografichskii ocherk* [Swift. His life and literary activities. A biographical essay]. St. Petersburg, Tipografiia tovarisch. "Obshchestvennaya pol'za", 1891. 112 p. (In Russ.)
- 5 Iser Wolfgang. On Translatability: Variables of Interpretation. *European Messenger*, 1995, IV/1, pp. 30–38. (In English)
- 6 Johnson Samuel. *The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. By Samuel Johnson. In Four Volumes.* L., MDCCLXXXI. (In English)